

НИНА КРОМИНА
ЕЛЕНА ЯБЛОНСКАЯ
И ДРУГИЕ

КРАСНАЯ СТРОКА

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

НИНА ШАМАРИНА
НИНА КУРЕННАЯ
АЛЁНА КУБАРЕВА
АЛЕКСАНДР КОРОЛЁВ
АЛЕКСЕЙ РЕШЕНСКОВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЗОЯ ДОНГАК
ЮЛИЯ ВЕЛИКАНОВА
АГЛЯ ЖДАНОВА
ЕВГЕНИЙ МОКРУШИН
НАТАЛИЯ ЯЧЕИСТОВА
ТАТЬЯНА МЕДИЕВСКАЯ

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЁВА
ОЛЬГА СУШКОВА
НАТАЛИЯ МОРЖИНА
ТАТЬЯНА МОРОЗ
ЮРИЙ ЕГОРОВ
ТАМАРА ПОНОМАРЕНКО
ДАРЬЯ ТАТАРЧУК
ТАМАРА СЕЛЕМЕНЕВА
ЕВГЕНИЙ КАСАТКИН
ТАТЬЯНА ТВОРОЖКОВА
СЕРГЕЙ КНЯЗЕВ

16+

**Нина Кромина
Елена Яблонская
Красная строка**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58156798

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник содержит рассказы, эссе и отзывы на произведения авторов, входящих в круг литературной лаборатории «Красная строка». Чем хорош именно сборник рассказов, причём написанный разными авторами? Разнообразием! Здесь вы найдёте и рассказы о животных, и рассказы о войне, и рассказы о путешествиях. Сама жизнь выглядит, как заячьи ушки, из каждого рассказа во всём своём противоречивом разнообразии. У каждого автора свой стиль, свой язык, своё видение, свои мысли. Но в эдаком симбиозе получилась "вкусная" современная проза.

Содержание

С красной строки	6
Длиною в жизнь. Рассказы	14
Нина Шамарина	14
Мы тронулись!	15
Авертер	17
Алёна Кубарева	29
Вторую неделю в Благодати стояли немцы...	30
Александр Королёв	38
Печь	39
Предатель и председатель	42
Волки	49
Алексей Решенков	55
Пономарь Тихон	57
Кеша	62
Ольга Борисова	76
Встреча длиною в жизнь	77
Картошка	87
Зоя Донгак	92
Чёрная смерть	93
Юлия Великанова	100
Живой огонь	102
Аглая Жданова	111

Доверие

113

Конец ознакомительного фрагмента.

116

С красной строки

(предисловие)

Литературное объединение «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России под руководством Андрея Венедиктовича Воронцова (А.В. Воронцов – известный писатель, публицист, педагог, секретарь Союза писателей России) завершил ещё один учебный год. А это значит – ещё один новый выпуск, восьмой по счёту, сборник рассказов «Точки»: «Точки узнавания». По сложившейся традиции сборники выходят под разными названиями, отражая неповторимость каждого и превращая по существу периодическое издание (раз в год) в тематическое. Тщательный отбор и предисловие составителя, главного редактора А.В. Воронцова, обеспечивает хороший литературный уровень сборников, разнообразие тем, сюжетов. Не каждый автор, в том числе участник ЛИТО «Точки», может стать участником сборника. Чтобы помочь авторам повысить уровень профессионального мастерства, Нина Кромина и Елена Яблонская («старейшие» «точкинцы», члены редколлегии) в ноябре 2019 г. начали работу с авторами в группе, условно названной «Литературной лабораторией "Точки-2"». Разбор и анализ прозаиче-

ских текстов для сборников, медленное, аналитическое чтение произведений классиков, привлечение новых опытных авторов, работа с новичками – так видели они свою задачу. Однако жизнь показала, что этого недостаточно.

В Лабораторию пришли интересные авторы, среди них выпускники Литературного института – Евгений Кубасов, Владимир Жуков; выпускники ВЛК – тувинская писательница и журналист Зоя Донгак, поэты и прозаики Антонина Спиридонова, Юлия Великанова, Алёна Кубарева, Наталия Ясницкая, Жанна Варнавская; выпускники курсов Литературного мастерства А.В. Воронцова – Олег Васильев, Галина Стеценко и другие, а также яркая, талантливая молодёжь – Дарья Татарчук, Ольга Сушкова. С первых же дней работы Лаборатории активистами, на которых всегда можно положиться, стали писатель Нина Шамарина, связист Александр Королёв, математик Николай Жуков, журналист Нина Куренная, инженер и актёр Евгений Касаткин, косметолог Татьяна Творожкова и многие другие.

Разброс писательских предпочтений многообразен. Кому-то интересна малая форма, кому-то любопытна научная фантастика, фэнтези, сказки, детективы. Предстояло создать литературную среду единомышленников, в которой было бы комфортно и которой так часто не хватает для общения. Еженедельные встречи в Лаборатории с участием выпускников Литературного института имени А.М. Горького, Высших литературных курсов (ВЛК) при Литинституте и Курсов

литературного мастерства А.В. Воронцова проходят в собственной Литинституту традиции: обсуждение художественных текстов, обмен впечатлениями, советы по улучшению представленных работ.

К началу второго полугодия стало ясно, что круг вопросов, интересующих участников лаборатории, гораздо шире. Многие писатели, заинтересовавшиеся работой лаборатории, согласились показать своё творчество в полном объёме, осветить какие-то отдельные его грани. Вечера творчества Наталии Ячеистойвой, Елены Яблонской, Максима Шикалёва, Татьяны Медиевской, Юрия Егорова, Ольги Сурковой прошли «на ура». Силами «лаборантов» Нины Куренной, Юлии Великановой, Татьяны Творожковой, Александра Королёва и Нины Кроминой при поддержке артиста театра «Голос» Евгения Касаткина (в главной роли) была проведена читка пьесы Татьяны Медиевской «Газовая атака». Писатель Виктор Славянин провёл несколько обучающих встреч под названием «Почему надо писать так, а не иначе». Поскольку среди участников ЛИТО и Лаборатории много выпускников Высших литературных курсов при Литературном институте им. А.М. Горького, то естественно, что поэты, в своё время обучавшиеся вместе с прозаиками, но в разных творческих семинарах, заинтересовались работой Лаборатории. Был задуман поэтический вечер, приуроченный ко Дню поэзии.

К сожалению, пандемия коронавируса прервала еженедельные встречи участников за круглым столом, и этот ве-

чер так же, как и последующие, пришлось проводить в режиме онлайн. Но оказалось, что в таких встречах есть свои преимущества: к нам присоединилась Татария, Крым, Кыргызстан. В нашем вечере приняли участие Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, Оразбек Сарсенби, Антонина Спиридонова, Юлия Великанова, крымчанка Марина Шамсутдинова (тоже выпускница Литературного института), Галина Стеценко, Максим Федосов, Николай Жуков, Дарья Татарчук. Так к нам пришли поэты, и стало понятно, что их участие привнесло в жизнь Лаборатории яркий накал и душевный подъём.

Очень важно, что среди нас есть прекрасные критики. Тонко, не навязчиво проводят разбор текстов Елена Яблонская, Алёна Кубарева, Нина Шамарина, Евгений Мокрушин (профессиональный филолог), Юрий Егоров, Евгений Касаткин. Так, прослушав лекцию писателя Бориса Евсеева об эссе как жанре и откликнувшись на призыв Нины Кроминой писать и размещать в группе Facebook Лаборатории эссе о любимых писателях и поэтах, родившихся в мае, мы создали целый цикл эссе: Александр Королев написал о Викторе Астафьеве, Булате Окуджаве и Юлии Друниной, Елена Яблонская – о Татьяне Толстой, Николае Заболоцком, Михаиле Шолохове и Константине Паустовском, Алёна Кубарева – о друге Пушкина Иване Пущине, Нина Шамарина – о Гекторе Мало. Кроме того, Елена Яблонская, вспомнив о своем давнем (2010 г.) эссе «Детство, которого не было»,

посвященном роману Юрия Олеши «Ни дня без строчки» и приуроченного не ко дню рождения, но ко дню памяти (Ю.К. Олеша умер 10 мая 1960 г.), подняла вопрос о переименовании Лаборатории. Подходит ли нам название «Ни дня без строчки»? Может быть придумать что-то своё, оригинальное? Она предложила нам называться «Литературная лаборатория "Овал"» – не вслед, но вопреки строкам Павла Когана «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал...», или «Эллипс» (простейшая форма овала). Елена полагает, что времена изменились, и теперь следует не заострять, а наоборот, сглаживать углы, обсуждая литературу за дружеским, круглым или овальным столом. Евгений Кубасов тоже нашёл, что название «Ни дня без строчки» звучит для нас слишком пафосно. Издатель и редактор Максим Федосов также выступил против: «Мне кажется название «Ни дня без строчки» говорит исключительно о «тиражах и сроках», но никак о качестве прозы и поэзии. Можно воспользоваться уже существующими проектами, и их названиями которые «бродят» рядом – есть литературная мастерская «Новое Слово», есть альманах «Линии», можно подумать о том, чтобы как-то объединить наши усилия в организации творческого процесса». Кроме того, кажется, уже имеются ЛИТО с таким названием, а мы претендуем на оригинальность и неповторимость. Евгений Касаткин предложил название «Красная строка»: «Во-первых, любое произведение начинается с красной строки, во-вторых, «красная» име-

ет ещё значение «красивая», т.е. то, к чему мы все должны стремиться». Аргументы Евгения оказались самыми убедительными, и мы решили остановиться на названии «Красная строка», в чём нас поддержали практически все участники и друзья Лаборатории.

А друзей у нас много, их ряды все время ширятся, и они быстро становятся полноправными участниками Лаборатории «Красная строка». Так, недавно по скайпу прошло очень интересное и доброжелательное обсуждение рассказов о детях нашей гостьи Татьяны Мороз. Приятно отметить, что в нашу группу вошла Галина Талалаева. Она имеет за плечами большой опыт литературной работы и нашла, что встречи в Лаборатории проходят в живой, интересной манере, дают много полезного.

Мы не только «отмечаем» дни рождения известных писателей, но и поздравляем друг друга. Так, 14 мая мы праздновали день рождения поэта и прозаика Татьяны Матягиной, собравшись за нашим овальным столом почти «вживую», по скайпу. Елена Яблонская посвятила подруге эссе «Таня, с днём рождения!», а Евгений Касаткин инициировал широкую дискуссию об эссе как жанре, подверг серьёзной, но конструктивной критике эссе Алёны Кубаревой и Елены Яблонской. Лучшим же эссе этого сезона единодушно было признано эссе Нины Шамариной о Г. Мало. День рождения Елены Яблонской (16 мая) был отмечен публикацией в Facebook предисловия к её первой книге «С родного на

родной» (2009 г.), написанного известным поэтом Полиной Рожновой. Евгений Касаткин в ответ на дружеские упрёки Е. Яблонской («Критикуешь наши эссе, а сам не пишешь...») опубликовал целое соцветие великолепных эссе: «Оправдание мастера» (ко дню рождения М. Булгакова 15 мая), об Иосифе Бродском (ко дню рождения 24 мая) и других, оспарив таким образом «первое место» Нины Шамариной в жанре эссеистики, чему мы все, особенно Нина, чрезвычайно порадовались.

В заключении необходимо заметить, что успех развития литературного сообщества состоит, на наш взгляд, именно в таком содружестве авторов без разделения на возраст, звания, жанры и литературные интересы. Мы уверены, что деятельность лаборатории продолжится так же активно, как и на протяжении всего времени со дня открытия.

Двери нашей «Литературной лаборатории "Красная строка"» всегда открыты для новых единомышленников. Следующий учебный год начнется в октябре 2020 г. Начинаем «с красной строки»!

P.S. Хотя мы поскромничали и решили, что название «Ни дня без строчки» звучит для нас «слишком пафосно», оказалось, что большинство из нас действительно живёт по этому принципу. В группе «Литературная лаборатория «Красная строка» накопилось множество интересных материалов, прошло много плодотворных дискуссий... Поэтому мы приняли решение оформить наши труды в

дни самоизоляции в виде электронного сборника «Красная строка». Наш адрес в Facebook <https://www.facebook.com/groups/415267516050138>

Нина Куренная

Нина Кромина

Елена Яблонская

Длиною в жизнь. Рассказы

Нина Шамарина

Нина Шамарина более 45 лет живёт в Москве. Начала писать небольшие рассказы очень давно, но публиковать-ся стала только с 2017 года.

Автор книги «Двадцать семнадцать» (2019 г), соавтор коллективных Альманахов Культурного центра «Фелисон», «Новое слово», «Точки», член литобъединений «Красная строка», «Литеразум».

Победитель конкурса «Классики и современники» («Литературная газета») 2019–2020 г, дипломант конкурса «Независимое искусство-2019». Член МГО Союза Писателей России (2019 г) ne3321@yandex.ru

Мы тронулись!

Мы тронулись! Наконец-то мы тронулись. После того как четыре часа ждали «Газель», которая поехала сначала не на тот адрес, хотя, конечно, я говорила в трубку настойчиво: «Дубнинская улица, не перепутайте с Дубининской», а диспетчер уверяла, что на их фирме водители прекрасно знают Москву, и у каждого – навигатор. После того как лопнул чемодан, и всё содержимое выпало на асфальт, и непонятно было, что теперь с этим делать: собирать блузки и брюки обратно и тащить чемодан под мышкой или бросить одежду, считая это знаком того, что не нужно ничего брать из прежней жизни. После того как мама говорила: «Подумай, Ася», «Насколько хорошо ты его знаешь?» и «Ничего хорошего не

получится из начатого в високосный год», а я снова и снова, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заорать, уверяла маму, что он – хороший, и что с ним я буду бесконечно счастлива.

Мы тронулись. Наконец-то мы тронулись. Прочь сомнения, прочь мысли, прочь тревожные предчувствия, опасения и плохие приметы. Прочь.

Мы тронулись. После того как я зачем-то научилась открывать шампанское (зачем, если сегодня мы тронулись?) и высадила его, выражаясь на языке моего неинтеллигентного папы, «в одно лицо», плача мелкими колкими слезами – от счастья ли, от страха ли, от шампанского? После того как я захлопнула дверь квартиры, оставив в ней ключи, и пришлось вызывать слесаря-взломщика лишь для того, чтобы убедиться, что ключи со мной. После бессонной ночи, после кофе, сигарет и телефонного марафона длиною в два часа с подругой Милкой, в котором по кругу обсуждалось одно и то же: правильно ли я делаю?

Это потом станет известно, что в пути разбился аквариум, и акара бирюзовая, которая исполняла мои желания не хуже золотой рыбки, какое-то время билась на сухом полу, пока грузчик не засунул её в бутылку с водой (хорошо, что вода была тёплая и почти без газа). Но желания акара после этого выполнять перестала, то ли оттого, что чуть не погибла, то ли потому, что выполнила самое большое моё желание: мы решили жить вместе, и мы тронулись! Наконец-то мы тронулись!

Это потом обнаружилось, что пианино не влезает в лифт, и придётся заплатить за его перевозку в два раза больше, чем предполагалось, хотя за всё время, что мы жили вместе, я не сыграла ни одной гаммы, ни одного этюда, да и вообще не помню, чтобы я открывала его крышку и пробегала пальцами по клавишам. Это только потом оказалось, что у него жена в другом городе и двое детей, перед которыми я испытываю неловкость, как будто это лично я их обманываю. Много позже выяснится, что его машина куплена в кредит, и все деньги, которые он зарабатывает, уходят на погашение этого кредита, и я никогда не узнаю, посылал ли он алименты. И долгие годы спустя он будет двоеженцем: не разведётся с женой и не оставит меня. И много-много позже того, как мы тронулись, я буду любить его, независимо ни от чего. И сомневаться, и страдать, и ненавидеть иногда, расставаться навсегда, и снова возвращаться.

А пока... Пока мы тронулись. Наконец-то мы тронулись.

Авертер

Падал, падал, падал снег. Ложился на землю мягко, беззвучно. Так же беззвучно падали на пол светлые Иринины пряди с лёгкими завитками. Щёлкали ножницы, как бы разрезая жизнь надвое.

В парикмахерскую на Садовом кольце Ирина пришла накануне первого курса химиотерапии. Где-то она прочла, что

лучше сделать короткую стрижку: тогда волосы после «химии» не вылезут. Ложь! После пятого курса не сохранилось ни волоска: выпали все до единого, оставив голову гладкой и постоянно зябнущей. Волос было жаль, но разве дело только в них? Вспоминалась поговорка: снявши голову, по волосам не плачут. Не осталось теперь не только волос: нет ни московской квартиры, ни друзей, ни, пожалуй, самой Ирины – красивой, амбициозной, активной. Друзья (их было немного и до болезни) звонили всё реже. Кому понравится слышать раз за разом в трубке нарочито равнодушное «встретимся в другой раз»?.. Мрела в воспоминаниях счастливая пора, когда Ирина жила с мамой и папой. Даже период тоски и одиночества после гибели родителей в большой квартире на Садовой-Кудринской, казался ей нынче счастливым, по меньшей мере, многообещающим. В те дни Ирина была здорова, мечтала выйти замуж и родить ребёнка.

Былая энергия словно испарилась. Сил у Ирины доставало лишь на поход в ближайшую «Пятёрочку» за кефиром, пельменями и хлебом. Раз-два в неделю Ирина вытаскивала себя на улицу. Жила она теперь в квартире-однушке в подмосковном городке; одиночество же разбавлял подобранный пару месяцев назад пёс.

Четвероногого бродягу Ирина встретила на пустующем октябрьском пляже. Дул промозглый ветер, Ирина забрела в беседку посидеть, отдышаться. Там и увидела этого пса:

длинное туловище на коротких, но мощных лапах, круглые глаза страдальца и уши до земли. На шее болтался ошейник (стало быть, недавно потерялся). Почему она отважилась тогда подойти к собаке? Почему заманила к себе домой? Ирина до сих пор этого толком не понимала. Наверное, она разглядела в собаке себя, неприкаянное одинокое существо. Идя за новой хозяйкой, собака хромала, тяжело дыша, часто оставалась. Да и сама Ирина едва переводила дух.

И вот теперь, когда Ирина просыпалась среди ночи (снился ей однообразный кошмар: она летела в бесконечную бархатную непроглядную темень, где не было ни звуков, ни запахов), её рука непременно натыкалась на тёплую шерсть Талисмана, его влажный нос. Получивший имя пёс всегда находился рядом, на ковре возле кровати. Иногда, когда Ирина была не в силах лежать, она бродила по комнате туда-сюда, волоча за собой одеяло, а Талисман неотступно плёлся следом. Ирина задерживалась у окна, подолгу глядя на мигающий во дворе фонарь, и он замирал возле неё, чуть поскуливая и помахивая хвостом: «Я здесь, я с тобой». Правда, иногда Ирина слышала по ночам, что пёс ворочается и не спит, наверное, пугаясь своих собачьих кошмаров.

...Снег сыпал всю ночь. Ещё и утром вился хоровод зубчатых снежинок. Кружевной вязью тянулась по дорожке цепочка следов раннего прохожего.

– Может, ёлку купить? – спросила Ирина у Талисманчика. Впервые за долгое время ей захотелось хоть что-то изменить,

раскрасить унылое однообразие дней.

В одной из картонных коробок, привезённых со старой квартиры, ждали своего часа любимые ёлочные игрушки, сохранившиеся ещё с детства папы и мамы. В коробке обитали космонавт с красной звездой на скафандре, жёлтый лимон из раскрашенной ваты, стеклянный прожектор, шишка на прищепке и большой мухомор. Коробки набивали вещами нанятые чужие люди. Квартиру пришлось продать срочно: требовались деньги на операцию. В подобной же спешке Ирина купила эту подмосковную квартирку, куда потом вернулась после лечения. На остаток денег Ирина рассчитывала жить какое-то время, пока не выздоровеет. Впрочем, о том, когда это произойдёт, она не задумывалась.

Что в какой коробке лежит? Всё ли забрали грузчики при переезде? Где набраться сил, чтобы разобрать коробки? Нет, это потом, потом... Сейчас Ирине захотелось вдруг поставить ёлочку, пусть маленькую, но непременно живую, из леса, а чем украсить – найдётся: конфеты, мандарины, бумажные снежинки, она нарежет их из салфеток. Когда Ира была маленькой девочкой, мама непременно вешала на ёлку конфеты, а Ира тайком снимала и ела их, оставляя на ветках пустые фантики. Ёлочные конфеты были гораздо слаще тех, что лежали в таких же обёртках в вазочке...

Талисман деловито потрусил к двери, соглашаясь идти за ёлкой, да и вообще за чем угодно. Ирина засомневалась: брать собаку с собой или не брать? С одной стороны, одна

рука всегда будет занята поводком, да и любопытный этот пёс не просто ходит: ему нужно то обнюхать ничем не примечательную кочку, то распугать важных голубей, то познакомиться с попавшейся навстречу собакой, будь та при хозяине или бродячей. С другой стороны, Талисман, как самый настоящий оберег, заполнял пустоту Ириной жизни: хочешь не хочешь, а с псом нужно гулять, его приходится кормить, с ним можно разговаривать. Слушал он прекрасно: положив голову на короткие лапы и разметав по полу уши, не сводил с Ирины глаз, полных сочувствия. Хотелось порадовать его, и поход за ёлкой вполне годился для этого.

– Остаёшься за старшего, – строго промолвила Ирина, но слова её пропали втуне. Не без труда втолкнув обратно в прихожую норовившего увязаться за ней пса и закрыв дверь, она поклялась себе завтра погулять с Талисманом не меньше часа.

В зеркале лифта она посмотрела на своё отражение: большие глаза казались чёрными и глубокими, высокие скулы придавали безбровому лицу загадочные восточные черты.

«Ну, влюбиться-то я, наверное, имею право», – подумала Ирина, и эта мысль тоже была неожиданной: давненько не гадавалось «на хорошее».

До ёлочного базара шагать и шагать, однако сегодня прогулка далась Ирине удивительно легко. Оказавшись за забор-

чиком, она словно вошла в волшебный лес. Пахло смолой, пушистые сугробы глушили уличные звуки; густо-зелёный цвет елей, чуть сизый, голубоватый оттенок сосен, а наверху, в небе зимнем – жемчужные пухлые облака. Сказочная картина, да и только! Вот сейчас появится Иван-царевич на сером волке и увезёт Ирину в беспечальную жизнь!

Продавец, здоровяк в расстёгнутом бушлате, под которым виднелась тельняшка, вскинул голову, отчего его красный дедморозовский колпак, обшитый белой опушкой, смешно съехал на ухо.

– Что желаете, дамочка? – спросил он у Ирины. – Веточек вам собрать? Или ёлку?

– Ёлочку. Только выберите небольшую.

– Выберем, обязательно выберем! Такой красавице и ёлка нужна – красавица из красавиц! Вот такая подойдёт? – Человек в колпаке вытянул деревце из самой середины.

– Вас дожидалась!

Чудесная ёлочка росточком с Ирину расправляла веточки, распрямлялась, как человек, долго просидевший в неудобной позе. Продавец улыбался, уверяя, что краше этой ёлочки не найти на всём белом свете, и Ирина решила, что возьмёт, донесёт как-нибудь. Но ёлочка по пути кололась через варежки, тяжелела с каждым шагом. Ирина шла всё медленнее, с трудом перекладывая ёлку из руки в руку, останавливалась, кладя свою ношу на снег.

Алексей балагурил с покупателями, механически отсчитывал сдачу. Из головы его не выходила бледная девушка с карими глазами в надвинутой до самых глаз лиловой шапке с помпоном, так, что совсем не было видно волос. Как она ёлку дотащит, в чём только душа держится?.. Минут через сорок, отпустив очередного покупателя, Алексей огляделся: далеко впереди, на горке, там, где меж двух улиц втиснулся скверик, ему почудился лиловый помпон. Тут и хозяин ёлок кстати объявился. Крикнув тому, что скоро вернётся, Алексей рванул по утоптанному покупателями снежку наверх, к скверу. За такое хозяин мог и уволить, да что с того: работа эта сезонная, а сезон короток. Сегодня да завтра, а там и Новый год, и ёлки никому не нужны. Вообще, Алексей брался почти за любую работу, но при одном условии: работать недалеко от дома. В четыре часа ему нужно было забирать сына с продлёнки, делать с ним уроки (Егор, склонив белокурую, как у Есенина, головку, размашисто выводил в прописях букву «ы», а Алексей подрёмывал рядом), а уж потом можно опять таскать ящики в продуктовом магазине, подметать и чистить от снега школьный двор. И только уложив Егорку спать, заняться любимым делом: придумывать и рисовать сайты, чтобы утром отправить их верстальщику и программисту.

Его жена, по неясным Алексею причинам, подала на раз-

вод и переехала на съёмную квартиру в Москве два года назад, оставив Алексею пятилетнего сына. В переписке в «Телеграм» она писала, про «переполненную чашу», про то, что ей надо отдохнуть и успокоиться, а через некоторое время о том, что «встретила другого человека». Пока сын не пошёл в школу, распорядиться временем было проще: в детском саду Егорка оставался до семи. Могла бы помочь мать Алексея, Егоркина бабушка, но она наотрез отказывалась ехать в «вашу Москву» (хотя жили отец с сыном не в Москве, а в Подмосковье), предлагала забрать Егора к себе, на что Алексей согласиться никак не мог. Вот и крутился.

Больше, чем по жене, Алексей скучал по потерявшейся собаке. Когда ещё не родился Егорка, жена купила клубного щенка. Ухаживала за ним она, однако щенок, бассет-хаунд (длинное плотное тельце, короткие лапы, уши до земли, глаза, полные страдания), как это часто бывает, назначил своим хозяином его, Алексея. Несмотря на кличку, записанную в собачьем паспорте (Роббинс Авертер¹), щенок откликался Алексею даже на слово «собака», радостно молотя хвостом по полу и легко вставая на задние лапы безо всякой команды. После бегства жены Алексей часто разговаривал с псом, теребя его замшевые уши.

– Вот как бывает, собака, – вздыхал Алексей, – а ещё говорят, нет ничего сильнее материнской любви! Взяла да усвистала! Ладно б, меня бросила... Ну, разлюбила, всяко быва-

¹ Авертер (искаж. англ. averter) – оберег, талисман.

ет... Но сыночка-то как можно оставить? Ответь, собаки!

Роббинс Авертер поскуливал, соглашаясь, смотрел в глаза преданно: я, мол, никогда тебя не брошу! И вот надо же: потерялся! Однажды хмурым осенним утром, когда ещё толком не рассвело, пёс, обычно послушный и уравновешенный (даже поводка не нужно было), понёсся вдруг, разбрызгивая лужи, к реке, да так резво, что Алексей его не догнал. Долго звал, бегал, промочил ноги, но собаку не нашёл. Вечером снова ходил искать. Потом объявления на улицах расклеивал и в Интернет посылал, но пёс как сгинул. Бесследная пропажа казалась делом невероятным: ну куда могла деться в маленьком городке такая заметная собака?

* * *

Ирина едва дотащилась до сквера, где рухнула на ближайшую скамейку, кое-как приткнув ёлку рядом. Накатила знакомая слабость, руки и колени тряслись, а затея с живой ёлкой больше не представлялась столь заманчивой. Усталость была тому причиной или ещё что, но на Ирину навалился вязкий безотчётный страх смерти. Подобный страх сковывал её сознание нередко и днём, но привыкнуть к этому было невозможно. Всё тело трепетало и сжималось от ужаса, ей чудилось, что она умрёт прямо сейчас, не сходя с места. Провалится в тёмную мерзкую пустоту, неизмеримую, нескончаемую... В такие минуты Ирина как будто съеживалась до

маленького человечка, который вопил, визжал и извивался, закрывая голову руками: «За что, Господи, за что??? Почему я???» Человечек кричал, а она словно наблюдала за ним откуда-то, не в силах что-либо предпринять.

Через четверть часа припадок обычно отпускал её. Однако теперь разум включаться не желал, и она ясно видела человечка: он лежал жалкой кляксой на белом снегу, испещрённом крестиками голубиных следов. Вдруг раздался озабоченный голос:

– Дамочка, что с вами? Плохо? Может, «скорую» вызвать?

Ирина помотала головой, не разжимая зубов, не раздвигая губ, почти не открывая глаз. Сквозь мутную пелену узнала расстёгнутый бушлат и полосы тельняшки, припомнила продавца ёлок. Тот потянул её со скамьи и крепко обхватил. Они постояли так немного, и Ирина, вдруг очнувшись, подняла голову, встретившись взглядом с глазами мужчины. Ирина высвободилась с неохотой: так и стояла бы, укрытая, как шатром, этими руками. К тому же и приступ отступил.

– Вот и хорошо, а то затрепетала вся, как птичка-синичка!

Здоровяк говорил и говорил, объясняя, что объятия – самая лучшая терапия от панических атак. От его ровного глуховатого голоса Ирина окончательно пришла в себя. И спохватилась: сколько уже на часах? Она ходила за ёлкой, потом плелась к скверу, затем сидела тут на скамейке... Ей давно пора домой: собака полдня взаперти!

Человек в бушлате взял ёлку. В его большой руке, укрытой варежкой, ёлка казалась игрушечной.

– Я провожу вас домой.

Однако у Ирины вырвалось разом несколько «нет».

– Ну вот что, – бросил он в ответ, – я не настаиваю. Не буду провожать, коль не хотите. Да мне и самому за сыном пора! Давайте-ка я на автобус вас посажу. И не спорьте! – Не выпуская ёлку, он зашагал к остановке.

Ирина, скрепя сердце, поплелась за ним следом. Как странно устроена человеческая натура! Ведь на самом деле расставаться с человеком, даже имени которого она не знала, ей вовсе не хотелось. Больше того, Ирина вообразила и длинные вечера, полные молчания и разговоров, и счастливые покойные ночи, и солнечные бодрые утра. И малыш с мягкими белыми кудряшками, как у маленького Есенина, привиделся ей тоже!

«Что ты придумала, дурища! – оборвала она поток собственных мыслей. – Кому ты нужна? А малышу откуда взяться? Ты ж теперь бесплодная!»

* * *

Прежде, когда Ирина возвращалась домой из магазина или аптеки, Талисман, не умеющий прыгать на коротких лапах, принимался бегать взад и вперёд по коридору.

– Ты пришла, ты вернулась! – взмётывались в восторге его уши, – как долго тебя не было! – радостно вертелся хвост.

Сегодня же он вёл себя иначе: суетливо обнюхал Ирину, а потом уткнув нос в дверную щель, шумно втягивал воздух, взлаивал и даже немного подвывал. Собачье волнение Ирина списала на ёлку: решила, что новогоднее деревце Талисман видит впервые в своей собачьей жизни.

– Что, Талисманчик, испугался? Пойдём гулять!

На улице пса охватило ещё большее беспокойство: он то бегал вокруг ног хозяйки, словно искал что-то, то, натянув поводок, напряжённо всматривался вдаль. Своим поведением он утомил Ирину настолько, что, вернувшись, она разделась и легла в постель, так и оставив ёлку в прихожей.

Запах оттаявшей хвои волнами растекался по квартире. Ирина, перед тем как заснуть, внезапно почувствовала давно забытую тихую радость и откуда-то появившуюся уверенность, что всё будет хорошо. Талисман лежал на ковре у кровати, по-человечески вздыхал. Иногда поднимая голову, он всматривался в тёмный силуэт ёлки, от которой так остро, так ощутимо – и так несбыточно пахло Хозяином. И вот что самое удивительное: дух Хозяина смешивался с родным запахом спящей женщины, которую нужно было оберегать и защищать.

Алёна Кубарева

Алёна Кубарева, родилась в Москве. По первому образованию – педагог-психолог. В настоящее время – редактор радио «Вести ФМ». Окончила ВЛК и КЛМ при Литинституте им. Горького. Дипломант фестиваля «Славянские традиции» – 2019 (Республика Крым). Печаталась в журналах «Дальний Восток» и «Нева».

Вторую неделю в Благодати стояли немцы...

Вторую неделю в Благодати² стояли немцы. И вторую неделю Дарья сидела в насквозь промёрзшем³ погребе. Пряталась.

Ей было чего опасаться. Четверо сыновей служили на фронте. Четверо богатырей. Трое коммунистов, один – комсомол...

Колька, Володька, Ляксей... И младший, Борис. Красавец. Первый гармонист. Как затынет колхозную кадрель – «Три-та-ти-дри-та, три-та-ти-дри-та!» – все девки в пляс. Пойдёт играть ямочками на щеках – ни одна не устоит...

Дарья – из городских, из тульских. Родители умерли. Воспитали чужие. Пятнадцать минуло – отправили в деревню. Замуж. В городе бесприданницу никто не брал.

Дарья сначала никак не могла привыкнуть. Всё из рук валялось – ничего не умела. Но главное – не рожала долго. Ей и кличку дали – Дашка-неродёха.

А потом, после двадцати – пошло, пошло!.. Одного за другим – Маньку, Кольку, Володьку, Ольгу, Ляксея, Бориса, Клавдю... Все выжили. Андрей – муж – бранился:

² Благодать – деревня в южном Подмосковье, Серебряно-Прудский район.

³ Начало действия – 4 декабря 1941 года; тогда резко похолодало, до –30 градусов.

– Куда ж ты мне – прорву?!?! Как кормить буду?!!

А то ещё ревновал. Выпьет:

– Энти – мои, на меня похожи. А энтот (кивает в сторону Бориса) – не знаю чей! Чернявый чёрт... Армяшка... Говори, от кого прижила! Не то!..

– Как это – Борис не твой?! – Закусывала губу от обиды. Молодая, глупая, оправдывалась. А оправдываться – хуже нет.

– Ага-а! – Заносил Андрей руку... Забывал, что цыган по отцу.

Но Дарья скоро стала отвечать. Тяжёл кулачок оказался... Даром сама – два вершка.

...До войны Андрей не дожил. На фронт провожала одна. Всех четверых – в один день. Старшие попрыгали сразу в вагон. А Борис стоял перед ней на перроне, переминался с ноги на ногу. То краснел, то бледнел. Усы не отросли... Восемнадцать только... Дарья больше всех его оплакивала – ещё живого.

– ...Мама-ань!

Это Манька. Поесть принесла. Одна Манька в погреб и ходит. Одна не боится.

Дарья мгновенно вскипятилась – приготовилась ругать. Другие-то дочери – отмахнутся, а то и матюкнутся – в ответ. Манька – кисель, тихоня. Терпит. Таковую грызть – одно удовольствие. За всё. За войну. За холод. За сыновей...

Дарья и жалела её. Маньке – двадцать седьмой. И так-то

охотников мало, а ещё – война... И всё ж не могла злобно не шикнуть:

– Ах, паралик тя расшиби! Чего орёшь-то! Немцы ж кругом! Ещё услышат!..

Смягчилась:

– Весточки нет?

– От кого, мамань? – Манька уж спустилась. Аккуратно идёт. Уточкой. Пол земляной – скользкий, а она крынку несёт – матери молока достала. Бойтся пролить.

– Дура ты стоеросовая! Руки-ноги отрастила – голове не дала... От Бориса! Хм-м...

Поперхнулась. Стыдно одного младшего любить.

– От Кольки, Володьки. От всех!

– Не-е, – Манька горестно вздохнула, поставила крынку на колченогий табурет. Сама села на перевёрнутое – ведро.

Дарья взяла крынку, отхлебнула. Вку-у-сно!.. Всё, всё до капли выпила.

– Стреляли сёдни?

– Стреляли.

– Далёко ль?

– Далёко пока, – Манька, потупившись, ковыряла передник. – Оттель, – махнула в сторону Каширы.

– А кто стрелял-то?

– Почём я знаю! – Манька смутилась, покраснела. Будто одна и виновата, что никак свои Благодать не отобьют.

Летом, как враги к Москве пошли, Маньку с другими дев-

ками отправили рыть противотанковые – под Дорогобужем. Говорят, бомбили... Манька вернулась. Одна из немногих... Угрюмая. Ничего не рассказала. Замкнулась.

– Меня-то ищут? – прошептала Дарья.

– Ищут, – Манька снова занялась передником. – Комиссар ихний старшой всё ходит, спрашивает. «Во ист, – говорит, – Ташка? Ди муттер дер коммунистен? Вер загт – бекомт ди шоколаде тафель!» Жамки, значит, за тя предлагает.

– Во память! – удивилась Дарья. – Над-был ты тоже учиться отдать, а то только трёхлетка... А имя-то моё – кто сказал?

– Не знаю.

Помолчали.

– А что наши? Показывают? – нахмурилась Дарья.

– Показывают. Сгинула, мол. В болоте.

– Дурни! – невольно рассмеялась Дарья. – Где ж тут у нас болота?

Манька тоже улыбнулась, прикрыла рот ладошкой.

– Почём немцы знают – есть тут болота, нет? – озорно подмигнула.

– Ну, ты... Не регочи! – посерьёзнела Дарья. – Ещё сглазишь...

– Пойду я, – Манька спохватилась, схватила пустую крынку, метнулась к выходу.

– Да! – вернулась, опустила глаза. – Там, мамань... Клавдя на фронт собралась...

– Как это? – Дарья схватилась за сердце. – Девка ж!.. Куда?

– У Клавди немецкий – хорошо. Она энтим, – взглянула наверх, – переводила. «Не хочу, – говорит, – на фашистов работать. В разведку пойду...»

– Так поезда ж на фронт не... – оторопела Дарья.

– Она пешком.

Дарья – за голову. Про себя завывала. О-о-о! Война проклятая! Четырёх сыновей отдала – ещё и дочь требует?! Так детей не напасёшь!

Манькин тулупчик мелькнул у выхода. Высунулась, огляделась. Шась! Только дверь за ней закрылась – сдавленный визг.

Похолодела Дарья: «Видать...» Не додумала. В погреб ворвались трое. В серой мышастой форме.

«Конец. Эх, Манька!..»

– Ты есть Ташка?

Дарья встала, огладила юбку. Посмотрела прямо в белёдые ненавистные глаза.

– Я есть.

Короткий удар в переносицу. Дарья охнула, повалилась.

...

Спустя два дня немцы бежали. Побросали всё – танки, оружие, боеприпасы. Даже скотину. Она теперь – одуревшая, тощая – одиноко и голодно кричала на все голоса.

В овраге – трупы.

...Немцы никого не подпускали. Манька уж издёргалась, изрыдалась – всё юлила, вывихливала перед охраной:

– Дайте маманьку схоронить! Битте...

Немцы смеялись, попыхивали «Экштайном».

Один раз Манька уж почти подползла. Протянула руку...

– Halt! Zurück!⁴

Дуло автомата. Круглое, ровное. Равнодушно-чёрное.

Смерть.

...Их собрали в одном сарае. Человек двадцать. Из Мягкого, Дудина, Благодати. Кто чем провинился. Кто козу не отдал, кто хлеб прятал. Кто дочь защищал...

Сутки держали без воды. О еде нечего и думать.

Всё бабы. Все молчат. Один только мужичонка. Колготился – вскакивал, подбегал к двери, прикладывал к прорехам губы, шептал: «Братцы!..» Как молился... Потом – обратно. Руки потные об колени тёр. Вращал глазами, а то – суживал до змеиных щелей. «Тэ-тэ-тэ-тэ-э!» – пел ли, захлёбывался?

«Убогой», – думала Дарья.

– Энтот сдал когой-то, – сквозь зубы процедила Ганька Калгушкина; Дарья её знала – дальняя родственница по мужу. – Вот и места не находит.

С улицы доносилась песня:

Ja, wir sehen uns in Berlin,

*Nach Berlin geht unsere Reise!*⁵

Дарья – ни слова по-немецки. Но догадалась, почувяла: ги-

⁴ «Стой! Назад!» (нем.).

⁵ «Да, увидимся в Берлине! Да, в Берлин лежит наш путь!» (перевод с нем. автора).

бель себе поют.

«Так вам, окаянные! Войте, кликайте беду! Вернётся!»

...На рассвете открыли дверь:

– Nacheinander raus!⁶

Никто не сдвинулся с места.

– Komm schon, schnell! Kommt raus!⁷

Дарья поднялась первой. За ней гуськом – остальные. Прошли несколько шагов. Сзади слышались крики. Дарья невольно оглянулась. Мужичонка никак не хотел выходить. Плевался, вырывался. Вopil:

– Братцы, братцы!

Немцы его – прикладами по голове. Потом подхватили, поволокли.

Шли молча. Дарья смотрела под ноги.

– Даш!.. – Ганька догнала, хоть конвойный и вскинулся: «Halt!» Отмахнулась.

– Помнишь, как Андрея хоронили?

Дарья помнила. Был июль. Жарило-парило всю неделю, пока лежал. А как помер – дождь полил. Сильный! Всю дорогу до кладбища развезло. Чернозём жирный, липкий. Так и хватал за ноги. Будто не хотел пускать. Тонула в грязи...

Дарья взглянула вокруг. Морозное солнце поднялось. Снег розово-жёлто-голубой. А то – тёмно-синий, как глаза Андрея, когда молодой был...

⁶ «Выходить по одному!» (нем.).

⁷ «А ну, живо! Выходите!» (нем.).

Избы кончились. «К лоску идём», – догадалась. Лоск – напротив кладбища. «Вот и Андрей посмотрит...»

Поставили в ряд, спиной к обрыву. Десять убийц.

– Achtung!

Дарья нахмурила лоб. Что-то соображала. Вдруг – глаза к небу.

Господи Боже!.. Всех люблю! Главное – никого не забыть!

Колька, Володька, Ляксей...

– Feuer!

Борис...

Александр Королёв

Королёв Александр Иванович. Родился 12 августа 1947 г. в г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край. В 1953 г. переехал в Калужскую область, где закончил 11 классов и поступил в Калужский педагогический институт. Не окончил, так как был призван в армию. После армии не восстанавливался. Окончил Всесоюзный заочный институт связи

(ВЗИС). Писал рассказы и стихи. Не публиковался.

Печь

Старик умер. Дети разъехались. На дворе осень.

Ветер заглядывает в трубу старухино дома и как бы скрашивает её одиночество, подавая голос. Старуха по привычке растапливает большую печь и прислушивается к голосу ветра в трубе, находя в нём каждый раз какие-то новые звуки. Что надеется в них ещё услышать, она не знает; они для неё привычны, как кот, лежащий на припечке, как равномерное тиканье часов в комнате.

Дом большой. Построен с запасом, так называемый пятистенок, чтобы со временем кто-то мог остаться и жить в другой половине. Тайная мечта стариков – жить со своими детьми...

Дом будет жить, пока жива старуха, откликаясь на её присутствие стуком дверей и скрипом половиц. Он для неё живой, жив её воспоминаниями. Неторопливо подметая пол, она видит мешающих ей прибираться внуков, раньше приезжавших летом. На кухне, глядя на стул, на котором в стареньких подшитых валенках всегда сидел дед, велит поднять ему ноги. Представляет, как он, развернув газету, читает её. Теперь старуха предлагает сесть на этот стул только тем, кто ей особенно приятен. Да и другие вещи для неё живы прошлым, событиями, понятными только ей.

Сердце дома – печь, сложенная дедом. Он делал всё сам. Она припоминает, как ездили за кирпичом в район на телеге, как дед отбирал каждый кирпич, как рисовал на бумаге и высчитывал, сколько пойдёт на большую печь и подтопок. Сельский печник, дядя Миша, помогал выложить колена и говорил, что такой печи он ещё не делал... От протопленной печи исходил какой-то только печи свойственный запах, тёплый и ласковый.

Затопив подтопок, старуха ставит на плиту чайник. По привычке прислушивается, не стукнет ли калитка, не появится ли кто из детей, издёрганных суетной жизнью. Они всегда приезжают неожиданно, спешат найти тот покой, который даёт только любящая мать и дорогие воспоминания, связанные с детством и родным домом.

Как-то утром, старуха решила затопить только подтопок. Ещё не наступили холода и подтопок, встроенный в основную печь, давал достаточно тепла на весь день. Огонь не разгорался, и дым стал заполнять весь дом. Печь засорилась, то есть накопившаяся сажа закрыла проход, образовав пробку.

Старуха решила прочистить проходы, так как не раз видела, как это делал дед. Она взяла нож, очистила побелку и вытащила меченые кирпичи закрывающие карманы, куда скапливалась сажа. Собрала из них почти три ведра сажи, замазала обратно кирпичи и снова затопила подтопок. Дым не проходил в основную трубу. Старуха испугалась. Что случилось? Неужели где-то обвалились кирпичи? Неимоверная

тяжесть навалилась ей на плечи. Пошла к соседу, разбитному парню лет тридцати, вернувшемуся недавно из мест «не столь отдалённых». Тот походил вокруг печки, стукнул по ней кулаком и заявил:

– Будем разбирать. Готовь, бабка, пол-литру.

В эту ночь из-за нетопленной печи старухе пришлось спать одетой. Ночью ей приснился сон. Тот парень разобрал печь, а сложить никак не может. Она проснулась, выпила валерьянки, погладила печь, успокоилась и решила:

– Шишига! Я ему разберу печь!

Еле дождавшись утра, поспешила к магазину, где узнала, что в селе есть мужик, который понимает в печном деле.

Постучала в дверь, вошла, поздоровалась и вдруг заплакала. Почему, не знала. Может быть, вспомнила, как маленькой просила милостыню, когда их раскулачили, в 30-х годах. Она уже давно ни к кому не обращалась за помощью, стараясь обходиться своими силами.

– Ты чего, мамаш? – спросил подбежавший к ней мужик. Старуха, плача, рассказала ему о своём горе.

– Не плачь, мать. Не будем мы печь разбирать. Найдём причину, – успокоил мужик.

Пришли в дом. Старуха дала ему старую рубаху, штаны, и мужик приступил к осмотру печи. Открыл выюшки, поджёг газету и проверил тягу. Потом стал вытаскивать вмазанные старухой кирпичи.

– Так я уже карманы чистила. Сажи вытащила три ведра.

– Ничего, мать, я сам посмотрю. Кое-что в этом понимаю.

Он разобрал кирпичи и засунул руку в дымоход по самое плечо. Долго чего-то там копался; потом попросил принести метра два проволоки. Скрутив из этой проволоки «ежа», просунул его в дымоход и несколько раз дёрнул туда-сюда. Посыпалась сажа.

– Ну вот и всё. Пробка там была. Иди, проверяй тягу.

Старуха зажгла газету и поднесла к подтопку; газета чуть ли не улетела в дымоход. Печь ожила. Радости старухи не было предела. Она словно ожила и сама. Мастер почистил ещё раз все карманы и снова замазал кирпичи. Видно было, что он всё это делал с удовольствием и, глядя на счастливо суетящуюся старуху, улыбался сам. Она усадила его на стариков стул, поставила на стол припасённую пол литру и даже выпила рюмочку сама «за компанию». Мужик ей рассказал, что, когда-то тоже имел дом. И печь у него была самая лучшая в деревне...

Предатель и председатель

Его звали Ганька. Ганька да Ганька – так себе мужичок. Другие отличались по-разному; кто языком острым, кто мастерством своим, кто трезвостью, а он ничем не был приметен, хотя и дом вроде как у всех, и корова есть, и жена работающая. Так себе...

Замечали мужики, что когда строили дом, и он конопа-

тил, то всегда оставались небольшие щели. Он оправдывался: «Не заметил, мужики!» Но никто не видел, как он их маскировал; паклю в этом месте не забивал туго, а прикроет чуть, вроде и законопатил, а на самом деле холод будет сквозить, дай боже. Ганьку перестали брать на совместную работу. А он не особенно и хотел.

Любил он собак дразнить. Даже не дразнить, а стравливать. Был у него кобель, помесь овчарки с лайкой – здоровенный пёс, и он всегда находился с Ганькой. Пёс был не особенно злой, да и Ганька вроде не злой, но всегда как-то неопределённо хмыкал и улыбался. Он натравливал своего пса исподтишка на чужую собаку. Это почти всегда было у чайной, где по воскресеньям собирались мужики с окрестных деревень, и пили пиво. Водку пили тоже, но мало. Главное говорили и говорили; обо всём, только не касались политики.

Ганька всем поддакивал, тоже пил пиво, но его никто всерьёз не принимал. Так вот, он что-то шепнёт своему псу и чмокнет. Пёс бросится на собаку и не даёт ей пощады. Пока хозяин пришлой собаки вылезет из-за стола, найдёт кнут, собаке – конец. Ганькин пёс брал мёртвой хваткой и, сделав своё дело, убежал.

Никаких доказательств, что он стравливает собак, не было. Он хмыкал и оправдывался, мол, псы сами виноваты, не ладили. Свои-то знали, в чём дело, но хитрили и помалкивали; им тоже было интересно, как дерут чужих собак. Гань-

ка тоже иногда получал по зубам. Уходил, прикладывая снег к глазу или разбитому носу. В драку никогда не лез, а схлопотав зуботычину, благоразумно удалялся.

Резать поросят приглашали только Ганьку. Поросята его почему-то не боялись, как других резалей. Он заходил в закут, чесал за ухом поросёнка, тот ложился и благодушно хрюкал, а Ганька в это время всаживал ему нож в сердце. Бабы всегда приглашали его, так как визгу почти не было слышно, взвизгнет свинья предсмертно и всё. Он всегда оставался на печёнку. (После разделки туши жарили печёнку, ливер и выпивали). Его сажали в красный угол, где он опять всем поддакивал и многозначительно улыбался. Песни, сопутствующие гулянке, он почти не пел, иногда что-то вроде подпоёт, но в основном выпивал и ел свежатинку. Он никогда не напивался до «корячек», хотя мужики знали, что за чужой счёт может выпить сколько угодно. «Благоразумный мужик» – одобряли бабы.

Работал он в колхозе конюхом, хотя лошадей не любил совсем. Он, когда запрягал лошадь, всегда давал им зуботычины. Лошади смиренно терпели и отводили глаза в сторону. Особенно сноровистых он нещадно хлестал кнутом в стойле, и лошади при нём всегда вели себя смиренно, давая запрягать в повозки беспрепятственно. Начальство его хвалило – знающий дело человек.

С начальством он был не то что подобострастен, но всегда услужлив и, запрягая повозку, стелил им сено или солому

как-то особенно, давая понять, что это для начальства.

В этом селе жил председатель соседнего колхоза. Его хозяйство находилось в десяти километрах, его туда направили – партийный. Он по-всякому обзывал Ганьку, когда утром видел, что его конь весь исхлѣстан кнутом. Ему хотелось избить Ганьку, но он сдерживался и только называл живодѣром. А Ганька хмыкал и говорил, что этот конь кусает соседних, переворачивает воду и вообще может лягнуть, если не применить строгость. Но председатель знал своего молодого конька и догадывался, что дело не в этом. Чувствовал, что у Ганьки такая натура...

23 июня 1941 года мужики запрягли в повозки лошадей и поехали в район на призывной пункт. Ганька тоже был с ними, потом куда-то исчез. Его сначала искали, но всем уже не до этого. Бабы плакали и прощались...

Ганька появился в селе вместе с немцами в зелёной немецкой шинели, подпоясан ремнём с надписью «GOT MIT UNS». Верил ли Ганька в бога, неизвестно, но что продался фашистам – точно. На голове носил папаху с немецким орлом и обут был в офицерские сапоги. В селе он нашёл себе помощника, пожилого мужика, который также нацепил на себя немецкую каску и винтовку. И в соседнем селе нашлись несколько сволочей, которые стали добровольными помощниками старосты Ганьки. Нашлись и женщины, «немецкие овчарки», как их называли жители, которые нагло прогуливались под ручку с офицерами. По вечерам в их избах играл

патефон, и устраивались танцы.

Ганька заправлял всем, реквизировал тёплые вещи. А что могло быть ценного в крестьянских семьях, кроме полушубков и валенок? А если узнавал, что гнали самогон, резали скот, птицу, то забирал всё. Домой он почти не заглядывал. Принесёт кое-что, чтоб дети с голоду не померли; а так всё больше обитал у Норки, развесёлой бабы, которая никому не отказывала...

Зима в этот год была морозной, с глубокими снегами. Казалось, что сама природа противится нашествию фашистов. После обильных снегопадов, начавшихся ещё в октябре, наступили лютые морозы, и только привыкший русский мужик мог сносно его переносить. Кровь, что ли, другая у русских мужиков, которые замерзали насмерть, лишь истекая кровью...

Из окружения выбирался председатель вместе с несколькими товарищами. Они уже долго шли по лесам, ночуя, где придётся, питаясь тем, что попадётся, не брезгуя и одичавшими собаками. Все дороги были забиты немцами, и окруженцы шли лесами, пробиваясь к Москве. Они верили, что Москву ни за что не отдадут, и они всё равно дойдут до своих. Путь проходил через село, где жил председатель. Ночью председатель, оставив в лесу своих товарищей, стал потихоньку пробираться к своему дому, прячась за сараями. Вроде никто не видел, как он пробирался к избе, но кто-то подсмотрел и донёс Ганьке. Что двигало этой подлой душой?

Председатель торопил жену. Из ребятишек не спал только старший. Он смотрел на отца и не узнавал его: до того тот был худой и обросший, с ввалившимися глазами.

– Мария! Скорей дай хлеба да картошки. Идти мне надо, мужики ждут, – говорил председатель, макая картошку в соль и запивая её кипятком из самовара.

Жена стащила с него разбитые сапоги и завывала: ноги были сплошная рана, обморожены и кровоточили. Она кинулась к печи, вытащила чугунок с горячей водой и налила в таз. Он решил побыть не более получаса, чтобы забинтовать ноги и сменить портянки.

– Здесь коммуняка! – раздался за окном голос Ганьки. Распахнулась настежь и чуть не слетела с петель дверь. В дом ввалились полицаи и несколько солдат. Председатель даже не потянулся к стоящей в углу винтовке; он понимал, начини он стрелять, перебьют всю семью.

Ганька с размаху ударил ногой по тазу и оттолкнул жену председателя, кинувшуюся к нему.

– Так значит, я – живодёр? – выпучив глаза, спросил Ганька. – Ну что, пусть будет так.

Он матерно выругался и ударил председателя прикладом винтовки в лицо, целя в глаз. Тот упал с табурета и застонал. Жена не кричала, а отрешённо смотрела на происходящее, крепко сжав губы и стиснув руки под фартуком. Старший сын залез на печку и успокаивал младших ребятишек, не давая им кричать, зажимая рты подушкой. Старуха стояла за

печкой и крестилась.

Ганька с полицаями зверски били председателя, требуя ответа, с кем он пришёл. Председатель не отвечал ни слова и отплёвывался зубным крошевом. Его вытащили из избы. Светила луна, освещая жуткую картину казни беззащитного, израненного человека. Ганька прикладом заставил его подняться и идти к тыну.

Немецкие солдаты о чём-то говорили между собой. «Немецкая овчарка» стояла здесь же, держа под руку офицера. Председатель подошёл к тыну и даже не успел повернуться, как Ганька выстрелил ему в спину. Председатель охнул и сел, хватаясь руками за грудь; потом беззвучно упал лицом в снег. «Овчарка» подошла к нему, ударила ногой, обутой в валенок, в бок и закричала:

– Ну что? Будешь теперь знать, как работать заставлять от зари до зари! Света белого не видели!

В колхозе она никогда не работала. Потом вдруг взвизгнула: «Он живой!» и отскочила назад.

Офицер спокойно вытащил из кобуры пистолет, подошёл к председателю и выстрелил ему в голову. Председатель вздрогнул и уже больше не шевелился.

– Сучку его под замок в подвал, – распорядился Ганька. – А щенков со старухой завтра в проруби утопим. Полицаи отвели жену председателя в подвал церкви, подперев дверь колом. Замка не было. Ночью Мария вышибла кол и дошла до подруги, которая спрятала её в подполе. Несколько недель

она была не в себе.

Вскоре немцев погнали и село освободили. Мария узнала, что дети живы, старуха ночью всех увела в другую деревню. Прах её мужа был перенесён в братскую могилу после 1953 года, где покоится и сейчас. Звали его Лохмачёв Василий Иванович. Мы, односельчане, помним его.

Ганьку взяли в соседней деревне. Что с ним стало – никто не знает. Да и зачем? Только есть у нас в лесу одно место – Ганино болото, и называется оно так с незапамятных времён. Наверное, это и есть то самое подходящее место для всех «ганек».

Волки

После расстрела зятя, выбиравшегося из окружения и выданного в своём селе предателями, вся семья была обречена. Старуха ночью одела троих детишек, надела спрятанный и чудом сохраненный тулуп и вышла с ребятнёй на замерзшую речку. Избу никто не охранял, так как вокруг лежали поля, засыпанные снегом, и стоял мороз.

Лес, стоящий почти за километр, также был занесён снегом, и фашисты боялись его более всего, думая, что такой же страх он внушает всем. Старуха не испугалась. Если по речке добраться до леса, а потом пройти лесом два километра по знакомой ей лесной дороге, то можно прийти к лесной деревне, где можно было переждать какое-то время.

– Бог милостив, – думала старуха.

Шёл первый год войны. Село, где жила старуха, находилось между двумя стратегическими дорогами, которые вели на Москву. Через село проходил большак, связующий эти две дороги, по которому день и ночь, туда и обратно двигалась военная техника, солдаты. Казалось, что пропорционально немцам, в лесах появились волки, которые по ночам жутко выли. Но старуха, больше, чем волков, боялась немцев; боялась не за себя, а за ребятишек. Самой маленькой было 6 лет, среднему 9 лет и самому старшему 12 лет.

Она посадила укутанную во всякое тряпье девочку в санки и повела всех по замёрзшему льду к лесу. Как они добрались до деревеньки, она рассказывать не любила, но говорила: «Бог помог», и волки им не повстречались. Только посела вся. Она открыла старую холодную избёнку, натопила печь. Сходила к соседке, своей давней подруге и попросила картошки, чтобы накормить детишек. Так прожили несколько дней, замирая от страха. Волки не давали покоя. Бродили по ночам стаей; переловили всех собак, забирались в омшаники и резали овец, страшно грызлись и выли.

Канонада войны слышалась с трёх сторон, но однажды ночью она была особенно сильной. Наутро в деревеньке появились немцы. Их было много. Они набились в каждый дом, жгли костры во дворах (стояли страшные морозы). Обуты и одеты немцы были, кто во что горазд, и отбирали у жителей последнюю теплую одежду. Пропал и старухин тулуп, она не

успела его спрятать и ходила в старой стёганке перевязанная несколькими платками. Ребятишки лежали на печке и со страхом смотрели на лежащих и снующих туда-сюда солдат.

На столе лежал кусочек шоколада, завёрнутый в фольгу. Его не доел офицер, выйдя на улицу. Старший мальчишка зачарованно смотрел на блестящую красивую обертку, ничего такого он ни разу не видел за всю свою жизнь. Он слез с печи, схватил лежащий на столе шоколад и засунул его в рот. В это время в избу вернулся офицер и всё увидел. Не говоря ни слова, он схватил мальчишку за шиворот, вытащил на крыльцо и босого без одежды толкнул в сугроб. Мальчишка хотел вскочить на ноги, но офицер вытащил пистолет и выстрелил у того над головой. Мальчишка испуганно затих. Старуха валялась в ногах у офицера и выла, прося отпустить ребенка.

– Пан! Пан! Ради Бога не убивай его! Он ведь ещё маленький! Он не вор! Он сладенького захотел! Она хватала немца за сапоги и пыталась их поцеловать.

Офицер минут через десять то ли отошёл, то ли ему надоело то ли озяб, но ничего не говоря и засунув пистолет в кобуру, ушёл в дом. Старуха подхватила замёрзшего мальчишку и затолкала его на печку. Долго оттирала его руки, коленки, беззвучно плача и иногда в сердцах давая ему подзатыльник. Он потом стал заикаться.

К вечеру канонада раздалась совсем близко. Снаряды разрывались в лесу и у большака. Немцы стали поспешно вы-

бегать на улицу. Они шли, понурясь, то и дело стуча сапогами и оттирая уши. Мороз крепчал, было около 30 градусов. Некоторые ослабевшие солдаты падали и уже не вставали. Их никто не подбирал, а идти нужно было лесом около трёх километров, чтобы выбраться на большак.

Старуха стояла на коленях в углу под образами и молилась. Она что-то беззвучно шептала и отрешённо смотрела на горящую лампаду. Офицер вошёл в дом в старухином тупе, посмотрел на стоящую на коленях старуху, потом внимательно оглядел на тусклые лики святых и внятно произнёс, обращаясь к ним:

– Капут. Аллес капут, – потрогал кобуру пистолета и вышел.

Канонада гремела несколько дней, потом стала удаляться к западу. Прошло ещё три или четыре дня. Морозы не стихали. Ночи стояли безветренные с трескучими вздохами леса и колючим блеском мигающих ярких звёзд. Волки в деревне по ночам больше не появлялись. Женщины собрались в одной избе и решали, что делать дальше. Картошки – в обрез, что удалось спрятать, одежды никакой, хлеба нет. Нужно кому-то идти в село, дать знать властям, что помирают с голоду – немцы забрали всё.

Вызвалась идти старуха. А и какая она старуха! Ей годов чуть за пятьдесят, просто тяжелая жизнь наморщинила да сторбатила её. Замуж вышла рано, муж помер в гражданскую войну от ран, на руках четверо. Выходила троих. Но это была

сильная русская женщина, которых у нас на Руси немало.

Она укуталась потеплее платками, надела на старые валенки самодельные лыжи и пошла через лес в село. Пройдя около километра по лесной дороге, она вдруг увидела сидящих и стоящих возле деревьев людей. Испуганно остановилась, но потом догадалась, что это замёрзшие немецкие солдаты, у которых не было сил идти. Некоторые стояли, прижавшись к деревьям обхватив их руками, как бы прося пощады. Пощады не было. Люди могли бы пощадить, особенно русский человек, но природа безжалостна...

Старуха перекрестилась и пошла дальше. Впереди уже просматривалось поле, но оставался ещё негустой перелесок. И вдруг она увидела, что на дорогу вышел волк и сел. Старуха тоже остановилась и стала смотреть по сторонам, нет ещё ли где волков. Сзади сидели ещё несколько. Сердце старухи обмерло; она не знала, что делать.

– Вот и смерть моя! – подумала старуха. Но потом вдруг решительно пошла на переднего волка и закричала:

– Чу! Злыдень! Чу! – и погрозила волку палкой.

Волк сошёл с дороги, перебежал перелесок и опять сел. Старуха медленно приближалась к волку и слезящимися глазами, не мигая, посмотрела ему в глаза. Волк тоже смотрел на старуху, затем отвернул голову в сторону, зевнул, ещё мгновенье сидел не двигаясь. Потом сошёл с дороги и затрусил в лес. Остальные тоже побежали за ним.

Можно по-разному судить о поведении волков или людей.

Но самое главное: поклонитесь бесстрашию и самоотверженности русской женщины, которая нашла в себе силы победить и тех, и других. Это была моя бабушка Анна Степановна. Светлая ей память!

Алексей Решенков

Родился в Москве. В 1987 году закончил Университет рабочих корреспондентов имени Ульяновой. В 2019 году закон-

чил литературные курсы под руководством А.В. Воронцова. Публиковался в рязанском журнале «Три желания», «Чешская звезда», в Камчатской литературной газете «Новая книга», в журнале «Российский колокол». В электронном издании журнала «Беседа у камина», «Лексикон, «Стол». В издательстве «Перископ-Волга». Член РСП с 2015 года. Член литературного объединения «Точки» при совете по прозе Союза писателей России. Член клуба мастеров современной прозы «Литера К». Призёр фестиваля «Славянские традиции 2016».

Пономарь Тихон

Проходя мимо помойки, невольно услышал какое-то кряхтение, сопение. Потом показалась голова в серой кепке, и наконец вылезло существо, почему-то напомнившее мне нашего деревенского пономаря Тихона.

– Господи, господи, – ворчало существо. – Боже мой, что делается. Люди, люди обезумели совсем. Нет, чтоб детишкам да старикам немощным раздать, они добро на помойку несут. Существо выпрямилось, отряхнулось, и тут я понял, почему оно мне показалось знакомым. У него, у этого существа, была такая же козлиная борода, как у Тихона.

– Эх, книги, книги выбрасывают. Да какие! И Пушкин, и Чехов, и Куприн, да всё собрания целыми. Иди, мил человек, там ещё есть. Не унести мне всё-то. Ой-ой, жалко-то

как. Ну люди, ну люди.

– Да нет, спасибо, отец. Мне и нести то их некуда, – ответил я.

– Да какой я тебе отец! Стой-ка, стой-ка, – воскликнуло существо. Прищурив и без того узкие глаза, посмотрело оно на меня.

– Точно, знаю я тебя, знаю, ты же Ванька Чопорный. Я ж тебя всего на два года старше.

Вгляделся в него, а и вправду Тихон. Оторопел я поначалу. Да как же так, за сто километров от дома, и вот на тебе – Тихон. Обнялись мы с ним, и дальше уже, взвалив на себя тюки с книгами, пошли вместе.

– Безумные, безумные люди, прости меня Господи, всё возмущался Тихон.

– Разве так можно? М-да, ну и люди пошли.

– Ну, почему же безумные, Тихон? Может, люди прочитали их, и они ненужными стали?

– Что ты, что ты, Ваня, а доброта-то, сердешный ты мой, на што? Поделись ты крошкой последней с ближним своим, и Господь непременно тебя отметит и отблагодарит. Потому как, брат, без любви, да без веры жить нельзя. Люди, как сухие деревья становятся, радости от них нет, да и без надобности они. Так свой век и коротают. Суеются, суеются всё, а толку то от того?

– Тихон, а зачем тебе столько книг? Верить, нет, а у меня сейчас жизнь такая пошла, что и читать некогда. Бывало, хочешь что-нибудь почитать, возьмёшь книгу, страницы две осилишь, и сразу в сон клонит.

– Ах, Иван, Иван, это от того, что есть сейчас ухари, на нас с тобою деньги зарабатывают. На пятистах страницах из пустого в порожнее переливают, от того то ты и спать хочешь. Так ты, Вань, классику читай.

Идём мы с Тихоном и чувствую, что сегодня нет у меня никого ближе и роднее этого Тихона. Сразу дом вспомнил, деревню, яблони наши. Душа рвётся на части, хоть глазком глянуть, как там?

Келья Тихона при храме «Петра и Павла», что в Лефортово, находилась сразу за комнаткой для крещения. Кровать, небольшой стол, да книжная полка на стене. А в углу, на святом месте, освещённая лампадкой, висела икона Святителя нашего.

– Ну что, располагайся, Иван, мы сейчас с тобой трапезничать будем.

Скинув мирскую одежду, Тихон облачился в рясу и начал хозяйничать на столе.

– Знаешь, если от буханочки «Дарницкого» отрезать четвертинку и на этот ароматный мякиш положить килечку в томатном соусе, да не набрасываться сразу на эдакое благолепие, а дождаться, когда хлеб пропитается томатом, и только тогда, когда слюна заполонит рот, приступить к дивной

трапезе. Море ощущений захватывает меня, да так, что не хватает слов выразить это. А принять перед трапезой стопочку «родной», так это ж сам Господь велел, для лучшего пищеварения. Чудное состояние испытываю после этого. Душа петь начинает, в руках сила богатырская появляется. Перед каждой службой оскоромлюсь, оттого-то и звон мой такой лучистый. Натягиваю «поводок» и чувствую, как нерв мой по нему до самого «благовестника» пробегает. Чувствую: ждёт родимый, истосковался весь. Говорить со мной хочет. Я его легонько качну, а он языком по колоколу, тихо так, еле слышно, будто потягивается спросонья. Потом «зазвонные», динь-ди-линь, динь-ди-линь, просыпаются. Поздоровуюсь со всеми колоколами, и уже сдержат себя совсем не могу. Что есть силы ударяю в «благовест», а «зазвонные» и «подзвонные» в перезвон пускаю. Динь, динь, динь, динь-ди-линь, динь-ди-линь... Пока звоню, душа-то моя только на «поводке» и держится, всё к Господу Богу улететь норовит. Гляну порой с колокольни вниз, народу толпа собирается, слушает. Уже и звонить перестану, а они всё ещё, задрав шапки, стоят. Будто ангелы с небес им кажутся. Ладно, Иван, что-то я зафилософствовался. Садись, покушаем, что Бог послал.

Сам же Тихон встал перед образом Святителя нашего. Закатил глаза и, перекрестившись, заголосил, как делали у нас певчие в деревне:

– Очи всех на Тя, Господи, уповают. Ты даёши им пищу

во благовремении. Отверзавши Ты щедрую руку Твою. Исполнявши всякое животное благоволения.

Приступив к еде, Тихон причмокивал и наконец, пропустив очередную стопочку «родной», разгладив свою козлиную бородку, сказал:

– Ты это, Вань, управляйся здесь, а я пойду к отцу Анатолию благословение получу к вечерне.

Перед службой видел я, как Тихон открывал дверцу, что вела к колокольне. В маленькие, словно амбразуры окошки, видел, как он поднимается. Как, перекрестившись, взял поводки в руки. И вдруг, словно налетел ветер, и играючи пустил в пляс «завонные». Динь-ди-линь... Тихонько так сначала, будто шёпотом. Потом «подзвонные», и вот уже по всему Лефортову разлился праздничный перезвон, который с каждым ударом в колокольцы становился всё громче и громче. Вдруг Тихон как-то неестественно подпрыгнул, и раздался гулкий бас «благвеста». Звук от него еще не успел затихнуть, как снова – динь-ди-линь – вступили подзвонные. Эко чудо творит Тихон! Так и хотелось крикнуть всем вокруг:

– Это же мой друг Тихон! Мы с ним из одной деревни!

Но прихожане неистово крестили себя, и так же, как и я, смотрели на звонаря. Им было не до меня.

Спустился Тихон с колокольни, глаза горят, лицо покраснелось. Идёт и улыбается, как-будто там, на колокольне, он, если не с самим Господом Богом разговаривал, то не иначе как с ангелами встречался.

Вечером в келье, когда Тихон уложил меня на свою кровать, а сам устроился на полу, на невесть откуда взявшемся матрасе, мы предались воспоминаниям. Вспомнили, как хорошо было рыбачить на нашей речке Гнилуше; как, пацанами ещё, залезали в колхозные сады за яблоками; как дрались с ребятами из соседней Барановки. Припомнил мне Тихон, как случайно на одной из таких потасовок я выбил ему зуб. Чудные были времена.

Кеша

В бытность свою человеком, кошек терпеть не мог. А теперь сам, не знаю за какие такие прегрешения, коротаю дни котом Василием. Мальчишки продали меня на рынке какому-то торгашу за сущие копейки. Тот в свою очередь сторговал меня даме в белых джинсах. Отвратительная, надо сказать, фифа. Вся из себя, нафуфырена и пахнет чем-то вызывающим. К тому же, как я заметил, курит. В прежней жизни, будучи мужиком, обходил таких за километр. С ней билетиком в кино не отделаешься, где уж нам пролетариям в рестораны хаживать. Да и укарауль такую, пожалуй. Ты на работу, а она хвостом крутить, стерва. Сейчас совсем другое дело. Она меня в клетку посадила, хоть обмяукайся, не отпустит. Нет, могу, конечно же, голос показать, но только какой мне от этого резон? Если торгаш меня к вечеру не продал, то выбросил бы на ближайшей помойке. Вот и собирай там блох

после этого. А там, глядишь, и зима. Если подвал какой не приглядишь, замёрзнешь. Нет уж, лучше я помолчу. Фифа, небось, не консервами питается, глядишь, и антрекотик перепадёт, рыбка какая-нибудь. Да и не в сарае живёт. Не-е, я не дурак, помолчу-ка лучше. Чего нарываться-то?

Фифа бросила мою клетку на кожаное сиденье своего белого лимузина. Что касается кожи, ничего не могу сказать, не сиживал. А вот белый цвет мне не нравится, бабский. Хотя ночью спать на каком авто, белом или черном, мне без разницы. Только не на советском автопроме. От него всегда бензином пахнет, и всю ночь под капотом что-то булькает, в общем, не сон, а так, название одно.

Ехали мы долго, видимо, я, малость, утомился и заснул. Проснулся от того, что фифа встряхнула мою клетку и сказала:

– Ну что, Иннокентий, приехали. Как ты смотришь на то, что я буду звать тебя Иннокентием? А, Кеша?

«Да мне по барабану», – подумал я, лишь бы угол был, да кормили.

Фифа потрепала меня за ухом и потащила в дом.

О доме стоит сказать особо, таких я ещё не видывал. Огромный домина в три этажа, с гаражом. На втором этаже кованный балкон, а перед домом – бассейн, и всё это обнесено высоким кирпичным забором. Ну, фифа, так жить можно!

Дверь нам открыла полная блондинка лет сорока, с мешками под глазами и чрезмерно увеличенной талией. «Госпо-

ди», – подумал я, – это ж такую ещё и найти надо. Редкий экземпляр».

– Александра Ивановна, мне кто-нибудь звонил? – спросила фифа, вынимая клетку со мной из машины.

– Дважды звонили из офиса. И, Надежда Павловна, Виктор Иванович очень беспокоился о графике работ на этот месяц.

– Спасибо, а вот вам новый член нашего малого предприятия. Как он вам? – И не дожидаясь ответа, фифа продолжила:

– Помыть, накормить, вызвать врача. Пускай посмотрит и сделает прививки.

Блондинка взяла мою клетку и понесла в дом и сразу в ванную комнату. Комната – вся в зеркалах, смесители сделаны под золото, а ванна такая глубокая, словно бассейн. Александра Ивановна опустила клетку в ванну и выпустила меня. Я понял, что дела мои плохи. Попробовал выпрыгнуть, но когти заскользили по стенкам, и я скатился вниз.

– Экий ты шалунишка, – пробурчала толстушка. – Чистым, оно ведь и тебе легче будет.

С этими словами она напшикала на меня вонючий шампунь. Где это видано, баба мужика моет?! Это я только своей Катюхе позволял, да и то, если она тоже в обнажённом виде. Во всём люблю равноправие. А это ж издевательство!

Я попробовал укусить тётку за толстый палец, но она, ви-

димо, предвидела развитие событий и ещё сильнее сжала меня своей огромной рукой. Подобного унижения я никогда не позволял по отношению к себе. С тех пор невзлюбил её и прозвал «ведьмой».

Ведьма вытерла меня насухо махровым полотенцем и отнесла на кухню. Там уже ждала тарелка с яствами. Батюшки, я не поверил глазам своим. Принюхался. Да этого не может быть! На тарелке лежала мелко порезанная, без костей севрюга. В прошлой жизни я только дважды ел этот деликатес: на собственной свадьбе, да на похоронах тестя.

Быстренько проглотив рыбу, слизнув всё до последнего кусочка, улучил момент, когда ведьма отвернулась, и сиганул вон из кухни. Пробежав до конца коридора, обернулся: никто не преследовал меня. Теперь можно спокойно оценить обстановку.

Вдоль коридора было много дверей, но все они оказались закрыты, оставалось только бежать на второй этаж. Мраморные ступени, ковры... Боже мой, куда я попал? На втором этаже вдоль стен стояли большие вазы с цветами. Эх, видела бы моя Катюха, где я сейчас обитаю! После хрущёвки с проходной комнатой это был замок. Пейзажи на стенах в позолоченных рамах, огромные часы от пола до потолка с гирями на цепочках. Ну и фифа!

Только одна дверь на втором этаже была приоткрыта. Проскользнув внутрь, я оказался в большой комнате, судя по всему, спальне.

Эхма-а. Вот тебе ёшкин кот и хухры-мухры. Кровать занимала почти всю комнату, хошь вдоль ложись, хошь – поперёк. Катюхе бы моей такую, а то мы всё на раскладном диване ютились. Он, подлец, как только мы любовью займёмся, начинал скрипеть. А за стеной – тёща. Смех, да и только.

Прыгнув на кровать, я улёгся на брошенный здесь кем-то халат и начал обозревать комнату. Напротив кровати расположился такой же огромный телевизор, потом бар. Сразу за баром окно, что выходило в сад, рядом такое же большое, как всё в этой комнате, зеркало. Вот из-за зеркала и появилась она, фифа. Видимо, за ним находилась ванная комната, потому что фифа вошла в спальню совершенно обнажённая. Она шла, расчёсывая мокрые волосы.

– Оказывается, у меня гости. Добро пожаловать, Иннокентий.

С этими словами фифа взяла меня на руки и, прижав к груди, поцеловала в носик. Такую грудь в бытность свою человеком я рассматривал разве что в глянцевах журналах, которые мужики наши, понатаסקали в бытовку. Во времена перекуров мы нередко обсуждали красоток из журнала и невольно сравнивали их с нашими законными супругами, что, увы, дурно сказывалось на нашем настроении.

– Какая же ты прелесть, Кеша! Какая же я молодец, что выбрала тебя!

После этого фифа положила меня на спину и начала щекотать. Нет, я не сопротивлялся. Во-первых, очень устал, во-

вторых, если она меня и дальше будет так кормить, позволю ей всё. Да что там говорить, мне просто было приятно её внимание. Я заметил, что здесь, дома, она из фифы превратилась в нормальную, классную девчонку. Пропал апломб, высокомерие, чопорность, чего я совершенно терпеть не могу в женщинах.

– Ты только никому не говори, Кеш. У меня есть одна слабость. Я очень люблю пастилу и зефир в шоколаде. Будешь?

Фифа достала из бара коробочку пастилы и, явно смакуя, откусила белое лакомство.

– Одна могу съесть целую коробку. Вот какая я сладёна!

Потом фифа долго красовалась перед зеркалом, перебирая и опрокидывая на себя кучу тюбиков и бутылочек. Затем, расположившись на кровати, она включила какой-то бо-евик. Я же улёгся у неё в ногах, свернувшись калачиком на пуховом одеяле, и заснул.

Ночью раздался звонок мобильного, фифа прижала телефон к уху и воскликнула:

– Да ты сумасшедший!

Быстро накинув халат, она выбежала из комнаты. Вернулась так же быстро, но не одна, с хахалем. У меня глаз намётан, я таких за версту чую.

– Я с самолёта и сразу к тебе, соскучился, – только и сказал он.

Глаза горят, бред какой-то несёт. Ага, сейчас ещё скажет, что кофейку зашёл попить в два часа ночи! Я-то знаю, за-

чем он зашёл. А фифа, фифа-то вовсе в дурочку превратилась, так и юлит вокруг него, так и юлит. Того и гляди, сейчас на шею бросится, начнутся лобзания. Нет, пожалуй, пойду я с кровати, видимо, она им сейчас нужней будет. Приютился под телевизором, но разве заснёшь, когда эти на кровати шуршат. Эх, молодежь, ни опыту, ни азарту у вас нет. Вот была бы здесь моя Катюха, я бы показал вам высший пилотаж.

Рано утром фифа с хахалем быстро собрались и уехали, я же взобрался на кровать и заснул.

Фифа пропала. Вот уже три дня как её не было дома. Каждый день, утром, ведьма кормила меня, потом сажала в клетку, отдавала водителю, и я ехал на работу.

Мои обязанности заключались в том, что перед тем, как состоятельные люди, купившие квартиру, дачу, коттедж, входили в своё новое жилище, обязательно запускали меня, чтобы обновка принесла хозяевам счастье и радость. Кто победнее, сами ловили бездомных кошек и запускали в дом. Конечно же, предрассудки, но они, эти самые предрассудки, приносили фифе солидный капитал.

Вечером возвращался домой и ведьма кормила меня. И так каждый день. Вроде всё нормально, но только без фифы стало как-то тоскливо и одиноко. В этом огромном замке, только она могла поговорить со мной, приласкать.

Каждый день я заходил в её спальню. Обнюхивал тапочки, в надежде убедиться, что фифа пришла. Но они пахли

так же, как и в тот последний раз, когда она была дома. Каждый вечер устраивался на её кровати и ждал до самого утра. Ведьма ругала меня за то, что сплю в спальне хозяйки, но я приходил сюда снова и снова.

На пятый день за дверью вдруг услышал знакомые шаги. Моё сердце радостно подпрыгнуло. Прислушался. Да, несомненно, это была она. Шпильки мерно постукивали по мраморной плитке пола, шуршала кожаная куртка. От восторга я начал носиться по комнате, потом, вцепившись когтями в ковровую дорожку, приготовился к прыжку. Дверь приоткрылась, и в щель протиснулась пушистая кошка. Она бесцеремонно подошла ко мне, обнюхала и сказала:

– Мур-р, мяу, прошу вас, тише. В этом доме не любят, когда кто-нибудь шумит, кроме хозяйки. Поэтому, если хотите спать в тепле и вкусно кушать, советую поубавить свой пыл.

– Ещё чего! – воскликнул я

– Ну и глупо.

С этими словами, взметнув хвост, таинственная незнакомка удалилась в комнату.

– Боже, как она грациозна! А как лоснится её шерсть, а этот волнующий пушок за ушками! Кем она была в прошлой жизни?

Невольно всем телом я подался к ней, улавливая волшебный, неземной запах. Но тут меня окликнула хозяйка:

– Иннокентий, дружок, что-то ты сегодня развеселился? Иди ко мне, я познакомлю тебя с Бэтой.

«Ах, вот как, её зовут Бэта. Всё равно, она прекрасна», – подумал я про себя.

Её загнутые вперёд ушки, её беленький хвостик, всё это будоражило моё воображение.

Бэта лежала в большом кожаном кресле и смотрела мультфильмы. Прежде чем подойти к креслу, я наострил уши, выпятил грудь и поднял хвост, чтобы предстать перед Бэтой во всей красе. Она мельком глянула на меня и промяукала:

– Да что вы, сударь, в этом доме мышей не бывает.

Я растерялся и даже не знал, что ответить.

Ближе к вечеру пришла мастер и, выложив из своей сумочки с десяток щеточек, кусачек и ножниц, принялась расчёсывать Бэту.

Трудно представить другую, более удобную позу для наблюдения, чем выбранная мной. Взобравшись по шторе под потолок, перепрыгнул на большой тёмный шкаф и улёгся наверху. Здесь было довольно-таки пыльно, отчего я даже несколько раз чихнул. Однако отсюда я хорошо видел, как Бэте, лежащей на спине расчёсывали белую шерсть на груди. Какие чудные у неё лапки, а какой хвостик? О, как она божественна! Разве можно вот так с котами? Я готов был сорваться к Бэте и доказать ей, насколько я неравнодушен к ней. Но я говорил себе: «Не время, не время ещё, Инокентий. Не время».

В комнату несколько раз заходила фифа, как всегда, прижимая телефонную трубку к уху. Посмотрев, как мастер ра-

ботаает с Бэтой, она опять удалилась на кухню. Пока фифа шла по коридору, я расслышал обрывки её разговора с неизвестным мне Виктором Ивановичем:

– О, несомненно, Виктор Иванович. Все наши кошки имеют родословную и состоят в клубах. Как смотрите на то, что предоставим вам кота породы пикси-боб, привезённого для нас из Канады? Вам он очень понравится. Если ваша супруга предпочитает кошку, мы можем предложить вам шотландскую скоттиш фолд. Хорошо, фото я сброшу вам по «имэйлу». Всего доброго.

Я ничего не понял из этого разговора, кроме одного: у фифы, помимо меня и Бэты, есть какие-то пикси-боб и скоттиш фолд. Это мне совсем не понравилось.

Фифа вернулась к нам в комнату и сказала:

– Бэта и Иннокентий, завтра – на объект. Отныне работать вы будете вместе.

Утром меня разбудили рано. Пришла, шаркая тапочками ведьма, и отнесла на кухню. Бэта уже была здесь. На завтрак нам дали постную говядину и гречку. Катюха под такую закуску всегда наливала мне рюмочку, но, видимо, котам водочка не положена. Да и во всём доме водку я видел, разве что у ведьмы. У фифы в баре стояло много красивых бутылок, из которых мне знакомы только шампанское и виски. Виски я в магазине видел, больно дорогая штука. Содержимое других бутылок вовсе мне неизвестно.

После завтрака ведьма посадила нас с Бэтой, каждого в

свою клетку, и отнесла в машину. Несмотря на кипящую во мне страсть к Бэте, я старался не подавать вида. В конце концов, надо и себе знать цену. Стараясь быть незаметным, я наблюдал за ней, через сетчатый узор моей клетки. Потом набрался смелости и спросил:

– Бэта, а как ты думаешь, у нашей хозяйки есть ещё кошки кроме нас с тобой?

Бэта нехотя повернулась ко мне, как будто спросонья, и ответила:

– Чудной ты, Иннокентий. Конечно, нет. Почему у тебя возник такой странный вопрос?

– Я слышал, она по телефону говорила про каких-то пикси-боба и скоттиш фолд.

– Какой же ты, Иннокентий, наивный. Это наши с тобой породы. Вот у меня, например, порода скоттиш фолд, а у тебя, значит, пикси-боб.

Откуда взялся пикси-боб, не знаю. Мать моя была дворовая кошка Машка. А отец? Да разве всех их упомнишь. Всю оставшуюся дорогу я так и не нашёлся, о чём ещё поговорить с Бэтой, а она, похоже, задремала.

Хахаль стал приходить всё чаще и чаще. Как всегда, они закрывались в спальне фифы и продолжали шуршать до утра. Я пригрел себе местечко под телевизором, а Бэта спала на углу кровати. Так продолжалось долго, пока однажды хахаль не заявился в спальню фифы один. Причём, он был яв-

но выпивши. Схватив Бэту, он сильно швырнул её об стену, а сам рухнул на кровать. Во мне всё закипело: как он посмел обидеть Бэту? Что было сил, я прыгнул на обидчика и вцепился своими когтями в его сальное, отвратительное лицо.

– Это тебе за Бэту, это тебе за фифу, а это тебе просто так от меня! – Повторяя про себя эти слова, я каждый раз с новой силой царапал это одутловатое лицо. Хахаль неестественно завопил, схватил меня и с силой бросил в открытое окно. Испугаться я не успел. Пролетев через кусты, упал прямо на садовую дорожку.

Странно и необычно ощущать себя абсолютно беспомощным. Очнувшись от удара об тротуарную плитку, я хотел было встать, но мои задние лапы совершенно не слушались. Я их не чувствовал. Интересно, как там Бэта? Может быть, ей нужна моя помощь, а я вот здесь развалился. Попробовал встать на передние лапы, это мне удалось, однако задняя часть тела тянула к земле. С огромным усилием мне удалось подтянуть задние лапы к передним. Я очень устал, когда мне удалось вот таким образом доползти до входа в дом и спрятаться под лестницей.

Совсем недавно я обнаружил это место, и разве мог тогда себе представить, что оно мне пригодится. Отсюда хорошо было видно, как приехала фифа, как она выгнала из дома хахаля, как ведьма, Фифа и Бэта искали меня.

Фифа даже подошла совсем близко к моему убежищу, но не увидела меня, зато я услышал её разговор по телефону с

хахалем.

– Ты приносишь мне одни неприятности! Нет, дорогой мой, ты вышвырнул в окно не кота, а работника моего предприятия! У меня сорвались заказы. Задета моя репутация. Будь добр, забудь мой адрес и номер телефона. – Положив телефон в сумочку, Фифа заплакала.

«Как мне это знакомо, – подумал я, – ничего не изменилось». Фифа, верно, решила, что наконец-то ей встретился тот самый человек, о котором она мечтала. С нетерпением ждала его звонка, вертелась возле зеркала, чтобы казаться ему самой красивой, самой желанной. А он стал приходить на свидания пьяным. Совсем перестал делать подарки. Вот и Катюха моя, сколько слёз пролила из-за этого. Всё старо как мир. А ведь стоит хахалю сейчас попросить прощения, и она простит его, простит дурочка.

Не одну ночь я провёл под крыльцом. «Всё, подумал я, вот и кончилась моя сказка. Кому нужен больной кот? Ах, Бэта, милая Бэта, я так и не сказал тебе всё, что хотел сказать».

Но однажды в лаз просунулась мордочка Бэты.

– Ах, вот ты где?! Ты чего здесь спрятался? Пойдём домой, тебя все ищут.

– Не могу, видимо, у меня что-то с лапами.

Бэта посмотрела на мою неестественную позу и сказала:

– Сейчас, жди меня, я вернусь.

Бэта вернулась быстро, неся в зубах кусок рыбы.

– Ты, наверное, есть хочешь. Вот, подкрепись пока. А я пойду, поищу кого-нибудь из людей.

– Стой Бэта, не надо, не зови никого. С такими лапами я никому не нужен. Меня выгонят из дома.

– Ну, и дурачок ты, Иннокентий. Хозяйка любит тебя, вот увидишь, всё будет хорошо.

И действительно, всё, что происходило потом со мной, было как продолжение сказки. Бэта привела с собой ведьму, та отнесла меня домой. Потом появилась Фифа. Увидев меня, она расплакалась и позвонила врачу. Тот, подлец, всадил мне в заднее место какой-то укол, так, что у меня перед глазами все сразу: и Бэта, и Фифа, и ведьма закружились, и я отключился. Проснулся рано утром, когда Фифа ещё нежилась в кровати. Бэта спала рядом со мной, а за окном уже всю игруло солнце, и пели птицы. Я понял, что я – счастливый кот. Фифа не выгнала меня из дома, у меня теперь есть подружка Бэта. Вот только лапы смущали меня. Посмотрел на них, попробовал согнуть сначала одну, потом другую. И, осознавая, что всё плохое позади, подпрыгнул и, что было силы, крикнул:

– Мяу, я счастлив!!!

Фифа вскочила с кровати и, поймав меня на лету, стала осыпать поцелуями. Бэта смотрела на нас ничего непонимающими глазами.

– Мяу-у, – крикнул я еще раз.

– Я счастлив, Бэта!

Ольга Борисова

Ольга Михайловна Борисова – поэт, переводчик, писатель, член Союза писателей России. Автор десяти книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и призёр различных

международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Белоруссии, Украине и России. Лауреат нескольких международных премий. Стипендиат министерства культуры РФ.

За успехи в литературе и культуре награждена медалью имени Е. Замятина Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Её стихи переведены на иностранные языки (французский, болгарский, македонский и сербский). О. Борисова – член Европейского Конгресса Литераторов (Чехия), руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, главный редактор литературно-художественных и публицистических альманахов «Параллели» и «Крылья», член редакционного совета журнала «Белая скала». Член ЛИТО «Точки» при Совете по прозе СПР. Участник документальных фильмов, показанных телеканалами: «Культура», «Рен-ТВ», «Новости 24 Самара», «Спас», «АТВ-Центр», телевиденья г. Димитровграда (Болгария). Рассказ «Чёрные птицы» прозвучал на радио Гомель-Плюс (Белоруссия).

Встреча длиною в жизнь

(из книги «Калиновка и её обитатели»)

Рыже-красный шар выкатился из-за холма и, медленно поднимаясь по небосклону, окрасил все три окна, вросшего в землю саманного дома, в розовый цвет. В саду весело запели пичуги. Взлетев на изгородь, загорланил соседский петух. Матвей Егорович вышел на крыльцо, обвёл взглядом своё нехитрое хозяйство.

– Пират! – громко позвал он.

Зазвенела цепь и из будки неторопливо вылез взлохмаченный пёс. Он зевнул, потянулся и, виляя хвостом, подошёл к хозяину.

– Спишь, шельмец! Старый стал, не дозовёшься, – дед Матвей ласково потрепал собаку за холку. – Нынче жарко будет. Вишь, какое светило яркое. Сейчас покормлю тебя да водицы свеженькой налью. Смотри, бандит, не опрокинь как в прошлый раз.

Накормив пса, и, насыпав корма курам, Матвей Егорович обрядился в привычную форменную одежду, взял ружьишко и отправился на обход своих владений.

Деда Матвея в Калиновке знали все. Здесь он родился, вырос, женился и состарился. Его супруга – Анна Тимофеевна – слыла женщиной тихой и скромной. Прожили они вместе в любви и согласии лет пятьдесят, но детей так и не нажили. Сельчане уважали старика, хотя частенько добродушно

посмеивались над его формой, принадлежавшей разным видам войск и эпохам. Женщины его побаивались, мужики – уважали. Умел дед дать дельный совет и словом присмирить любого, даже самого отъявленного сельского бунтаря.

Раньше Матвей Егорович работал счетоводом в колхозе, но в пресловутые девяностые – хозяйство распалось, и он остался не у дел. Да и власти в селе тоже не стало. Достал он тогда с чердака старое отцовское ружьишко и стал охранять колхозную технику от непрошенных гостей. Вскоре такие объявились. Хотели приватизировать всё, что осталось от советской власти, тем самым полностью разграбить колхозное имущество и разорить Калиновку. Но на их пути смело встал счетовод, так и убрались они восвояси ни с чем. С тех пор не выпускает дед Матвей ружьё из рук. Следить за порядком в селе стало для него уже привычным занятием. А как старуху схоронил, так желания сидеть дома совсем пропало. В одном месте языком зацепится, поговорит с мужиками о житье-бытье, в другом остановится – и день прошёл. Вот и сегодня, совершив привычный ритуал, решил ещё в продмаг заглянуть, чтобы бабы сплетни послушать.

Вечерело. Потихоньку спадала жара. Весело зачирикали воробьи. Вдруг он заметил в кустах соседского одиннадцатилетнего мальчугана, целившегося из рогатки в юркого воробья, сидевшего на нижней ветке старого осокоря.

– Лёшка, сорванец, ну-ка, поди сюда!

Лёшка, поправив грязной пятернёй непослушный чуб и

подтянув сползающие штаны, доставшиеся ему по наследству от старшего брата, подошёл нехотя, понимая, что эта встреча не сулит ему ничего хорошего.

– Ты чего ж озорничаешь? Воробей – это живая душа. Давай рогатку, я в тебя пульну, – дед строго посмотрел на мальчика. – От рук совсем отбился, мать не слушаешься! Утром она опять тебя костерила.

Мальчишка, шмыгнув носом, спрятал рогатку за спину.

– На кой ляд ты в соседский сад залез?

– За грушами, – на всякий случай плаксиво ответил он. –

Я только две и сорвал.

– У вас же свои груши есть?! Чужие тебе зачем?

– У тетки Ганьки они вкуснее.

– Горе ты луковое! Вкус-не-е, – передразнил пацана. –

Смотри у меня! Вот ружьишко солью заряду и пальну, – сняв с плеча берданку, застрашал дед. – Чтобы в следующий раз неповадно было по чужим садам лазить! Понял?!

– Угу, – торопливо ответил мальчуган, оглядываясь по сторонам и отыскивая короткий путь к спасению.

– Мать слушайся! Она из последних сил бьётся, чтобы вас поднять, а ты ей одни неприятности приносишь. Отец утоп, теперь вы с братом вместо него! Иди уж, – примирительно произнёс дед Матвей и, водрузив ружьё на плечо, зашёл в магазин.

– Матвей Егорович, по всему селу тебя ищу, – в магазин заглянула почтальонша Любаша. – Лёшка Пегов сказал, что ты здесь. – Она протиснулась в дверь, придерживая её одной рукой. – На, держи письмо!

– Откель? – удивился дед Матвей. – Лет сорок, как писем не получал. Неоткуда мне их ждать.

– С Ростова, от Н.Е. Парамонова.

– Парамонова говоришь?! – ещё пуще удивился старик. – Знать такого, не знаю. Ты не перепутала чего?

– Нет! Тут написано Матвею Егоровичу Матлахову, село Калиновка.

Дед Матвей взял красивый конверт в руки и стал внимательно вчитываться в строчки.

– Точно, адресовано мне от этого неизвестного Н.Е. Парамонова. Любка, очки дома забыл, ну-ка прочти, что этот Н. Е. от меня хочет.

Любка взяла конверт обратно и, вскрыв его, стала читать: «Здравствуй, Матвей! Еле нашёл тебя. Наверное, удивлён моему письму, но прочти его до конца. Я Николай Егорович Парамонов – твой младший брат...»

Девушка удивлённо посмотрела на Матвея Егоровича:

– Я и не знала, что у вас есть брат.

Матвей Егорович стоял, как вкопанный, не веря своим

ушам.

– Брат говоришь?! – и, собравшись с мыслями, добавил, – а что меня искать? Как жил в родительском доме, так и живу досель. Нашёлся значить.

– Егорыч, – вступила в разговор Наталья Ивановна, женщина пятидесяти лет, проработавшая в этом магазине лет двадцать пять и знавшая всё и про всех в своем селе, – неужто нашёлся? Лет шестьдесят, поди, минуло, как он пропал...

– Шестьдесят четыре, – уточнил дед. – Дай, Любка, я дома дочитаю. Трясущимися от волнения руками он взял письмо и медленно побрёл домой.

А по селу с быстротой молнии разлетелась весть, что у Егорыча нашёлся брат, пропавший шестьдесят четыре года назад. Со всех концов Калиновки к его дому потянулись люди. Вскоре пришёл и местный участковый.

– Матвей Егорович, рассказывай, что брат-то пишет, – участливо спросил Степан Александрович.

– Вот и пишет, что повидаться хочет.

– А где же он пропадал всё это время? – пытаюсь вывести старика на разговор, снова спросил участковый.

– В Ростове жил... Искал меня...

– Я слышал от родителей, что был у тебя брат, но в пятидесятых пропал, да вот запомятовал, как это случилось. Ты уж расскажи нам, что тогда произошло.

Дед Матвей горестно вздохнул, оглядел всех и начал рассказ:

«Отец вернулся с войны калеккой. Полступни миной оторвало. Сидеть дома не стал. Он до войны лесником был и снова пошёл лес сторожить. Мама же в колхозе работала на элеваторе. В сорок шестом я появился. Через три года родился Коленька. А ранней весной в пятьдесят пятом на переправе через речку колхозная машина под лёд ушла. В ней и мама наша была, – дед Матвей закричал, видно непросто давались ему эти воспоминания. – Все спаслись, не глубоко было, но мама простудилась и заболела. Через две недели её не стало, – старик смолк. Его плечи обмякли, голова склонилась и по щеке скользнула скупая слеза. – Большенький я был, всё запомнил. Горевал сильно отец, трудно нам жилось. А тут браконьеры в лесу объявились, косуль много забили и егеря местного убили. Видно, он их за охотой застал. Колхозный председатель милиционеров из города вызвал, а как они приехали, к нам пришёл:

– Егор, помоги, – попросил он. – Ты лес хорошо знаешь, не справишься им без твоей помощи. Матвей уже большой, за Колей присмотрит, да и соседи помогут, не бросят детей одних.

Отец и повёл их только ему известными тропами. Через трое суток вернулись милиционеры, да не одни. С собой привели троих, со связанными за спиной руками. Это были люди пришлые, не из нашего района: бородатые, грязные со злы-

ми глазами. Целый арсенал браконьерского оружия принесли. А вот отец не вернулся. Не появился он и на следующий день. Охотники с окрестных деревень собрались и группами пошли на его поиски и только на второй день нашли с пулевым отверстием в груди у пустующего кордона, – старик отсутствующим взглядом посмотрел на фотографии в деревянных незатейливых рамах на стене, а затем медленно перевёл на ружьё с кожаным ремнём, висящее на спинке кровати. Ружьё – вот всё, что осталось мне от отца. В наступившей тишине раздался чей-то скорбный вздох, кто-то всхлипнул, а дед Матвей продолжал:

– Меня соседи забрали, а за Колей приехали люди из города и отвезли в приют. Мал он был, не разрешили его в селе оставить, хотя мы очень просили. Как я чуть подрос, поехал в город за братом, но его в детском доме не оказалось. Мне сказали, что усыновили нашего Колюшу. Умолял их адресок дать – не дали. Домой вернулся, места себе не находил. Куда мы только с председателем нашим не писали, но отовсюду приходил ответ, что такой в городе не проживает. Лет сорок назад я снова пытался его найти, но безрезультатно. Не проживает, и всё! Как в воду канул Николай Егорович Матлахов, а он, оказывается, теперь не Матлахов вовсе, а Парамонов и живёт не в Краснодаре, а в Ростове. Каким-то образом сам меня нашёл и обещался на неделе приехать. Вот и весь мой рассказ», – завершил дед Матвей.

– Нашим родителям досталась тяжёлая доля. Страну они

после войны поднимали, чтобы мы хорошо жили. Ну, Матвей Егорович, встретим вашего брата как положено, всем селом! – заключил Степан Александрович.

Через три дня Матвея Егоровича снова навестил участковый.

– Созвонился я с твоим братом, Егорыч! Он у тебя непростой человек. Сейчас на пенсии, а работал инженером-конструктором водного транспорта в одном КБ. Много лет тебя искал. Фамилию не помнил, так как маленький был, когда его в детский дом забрали. А вот имена запомнил, по ним и искал, да всё безуспешно. А нашёл случайно. Встретил он как-то своего однокашника. Предпринимателем тот стал, несколькими фермерскими хозяйствами владеет. Разговорились. И вот он и говорит Николаю Егоровичу, что не даёт ему покоя одна встреча. В лихие девяностые он с компаньонами решил под Краснодаром землю скупить, а в одном, некогда богатом селе, хотели технику по дешёвке забрать, да не вышло. Мужик решительный такой, серьёзный встал на пути. Что-то неуловимо-знакомое было в его движениях, голосе, походке, а главное – в чертах лица: «На тебя сильно похож. Знаю, что брата ищешь. Съезди туда, посмотри, авось, это он».

Вот так тебя и нашёл. Николай Егорович скоро сам тебе всё расскажет, готовься к встрече. Завтра приезжает.

К обеду все жители села собрались на небольшой площадке у сельсовета. В центре стоял дед Матвей в аккуратно от-

глаженном пиджаке, вынутым из шкафа по этому случаю. Подтянутый, строгий и внезапно помолодевший, он напряжённо всматривался вдаль.

– Едут, едут! – завидев вдалеке машину, свернувшую на сельскую дорогу, закричали ребяташки.

– Е-ду-т! – разнеслось в толпе и затихло. Напряжённая тишина повисла в воздухе. Белая тойота медленно въехала в село и остановилась возле собравшихся людей. Дверца открылась, и с заднего сидения машины вылез пожилой мужчина в дорогом твидовом костюме. Он оглядел встречающих и остановил взгляд на стоящем в центре Матвее Егоровиче.

– Глянь, как две капли воды! Как похож на нашего деда Матвея! – послышалось из толпы.

– И вправду похож! – шушукались сельчане.

Два пожилых человека шагнули навстречу друг другу.

– Ну, здравствуй, брат!

– Коля! – только и смог произнести Матвей Егорович.

Слёзы застили глаза братьев. Обнявшись, не расцепляя рук, они так и стояли, словно боялись снова потерять друг друга. А на ветке старой липы, радуясь солнечному дню, весело расчирикался воробей. Вскоре эту песню подхватили его собратья, и разлетелась она по всем пределам Калиновки. Это была даже не песня, а торжественный гимн жизни на прекрасной и цветущей земле.

Картошка

– Трофим! – позвала мужа баба Аня, выйдя на крылечко небольшого деревянного дома. – Трофи-и-м! Вот окаянный, снова сбежал.

– Любка! – крикнула соседку, копошившуюся во дворе. – Твой дома?

– Нету. Петро с Трофимом Игнатьевичем ушёл на какое-то собрание.

– Давно ушёл?

– Да минут десять назад.

– Вот паразит! Знаю эти собрания. Опять в стельку придёт. Как картоху копать, так он либо болеет, либо пьёт, – возмущалась баба Аня, ещё красивая женщина невысокого роста, шестидесяти лет. Она спустилась с крыльца, на ходу застёгивая бордовую тёплую кофту. – Осень на дворе, огород убирать надо, а его и след простыл.

Тяжело вздыхая, вошла в сарай. Натянув на ноги, выдавшие виды, запылённые галоши, взяла лопату и отправилась на огород.

Задний двор в двадцать соток земли, огороженный штакетником, встретил её тревожным шелестом усыхающей ботвы. «Делать нечего, придётся копать. Дожди скоро, – она внимательно посмотрела на сереющее небо, – а картоха ещё не убрана». Воткнув штык лопаты в землю, баба Аня с

трудом выворачивала тяжёлые комья с розовеющими в них клубнями. Вдруг во дворе послышался лай собаки.

«Кого это ещё принесло?!» – подумала она, и, еле распрямив натруженную спину, опираясь на лопату, побрела к калитке.

– Шарик, дай лапу! Шарик, я же тебе сказал, дай лапу! – заплетающимся языком твердил дед Трофим, стоя на четвереньках перед собачьей будкой. Коренастый, в меру упитанный, с густой шевелюрой седых волос он выглядел забавно в этой неуклюжей позе. Опираясь на будку, с трудом поднялся и, увидав жену, сделал заключение:

– Дрессировки не поддается! Дурак!

– Зато ты у нас умный! Как огород убирать, так моментально исчезаешь!

– Цыть, старуха! Я на серьёзном мероприятии был!

– Смотри, какой уважаемый пришёл. Еле на ногах держится.

Видя, что дело принимает неприятный для него оборот, дед Трофим вдруг спросил:

– Анечка, а ты уже прилетела?

– Откель?

– Оттуда! – он указал пальцем на небо.

– Совсем рехнулся, старый дурень!

– Не! Я за будкой стоял и видел, как ты на метле улетела.

– Допился! Ну-ка, марш в дом спать! – она угрожающе приподняла лопату. – Я тебе покажу, улетела!

Дед Трофим мгновенно протрезвел и, понимая, что переборщил с полётом, тут же исчез за дверью дома.

– Ай-я-яй! Вот нализался! На метле! – она сняла грязные галоши и вошла вслед за ним.

Муженёк уже лежал на кровати, делая вид, что спит. Баба Аня, вымыв руки, громко поставила на плитку чайник и присела на стул возле кухонного стола.

– Анечка, покушать можно? Я жутко проголодался! – дед Трофим приоткрыл один глаз и искоса посмотрел на жену.

– Лежи, злыдень старый! – уже более миролюбиво ответила она.

Дед открыл второй глаз, понимая, что гроза миновала, поднялся с кровати.

– Да я что? Я ничего! Вот завтра пойду и весь огород перекопаю. А ты отдыхать будешь, – осторожно подошёл к столу и, ещё опасаясь гнева жены, присел чуть поодаль.

Наступило утро.

– Вставай, старый! На улице пасмурно, картошку скорее надо убрать. А то гляди, ливанёт, тогда в грязи будем её искать.

– Не могу, Анечк-а-а! Помираю я. Видно, моё время пришло, – дед Трофим сложил руки на груди и закрыл глаза.

– Чё мелешь языком своим поганым! Быстро вставай!

– Не могу, вишь, совсем ослаб. Ни руки, ни ноги не шевелятся. Сердце, оно не железное. Видно, износилось совсем.

– Может, врача вызвать? – недоверчиво оглядывая стари-

ка, спросила баба Аня.

– Ничем он мне уже не поможет. Дай мне спокойно помереть дома, дорогая моя Анята. – А то увезут неизвестно куда, бросят старика на грязную постель, и помру я в горьком одиночестве.

Засуетилась тут жёнушка. Не знает, что делать, как мужу угодить.

– Трофимушка, может тебе чайку налить? Я сейчас травки заварю, медку достану.

– Завари, родная! Перед смертью не грех чайку попить, а то вдруг на том свете не дадут. Может, у них чай и не пьют вовсе.

Пока чайник пыхтел на плитке, баба Аня сбегала в кладовку, принесла мёд в маленькой баночке, припасённый на случай недуга. Травки крутым кипятком заварила и мужу подала.

– Вставай, родненький! Давай помогу тебе подняться, – приподнимая старика, посадила его в подушки. Попей чайку, глядишь и полегчает. Хочешь, я ещё тебе вареньица малинового принесу? Ты его так любишь!

– Неси, – обречённо ответил он.

Снова заторопилась баба Аня в кладовку, да открыв дверь, остановилась. В зеркальной дверце старого шифоньера, что как раз стоял напротив дедовой кровати, увидела муженька, размахивающего руками, и явно передразнивающего её. Смекнула она причину его внезапной болезни. Взяла

веник и прошлась им по мужу.

– Вот тебе чаёк! Вот варенье! – кричала она на всю хату. – Марш, лентяй поганый, на огород!

– Что ты! Что ты, сумасшедшая! – огрызался дед, понимая, что оплошал. – Даже пошутить нельзя. Это репетиция была! Хотел посмотреть, как ты меня любишь, – на ходу натягивая штаны, он стремглав выскочил из дому. Его фигура замаячила на огороде. Громко залаял Шарик. Размахивая веником, словно дамокловым мечом, вслед за муженьком бежала баба Аня, грозя ему всеми небесными карами. А главное, картошка в этот же день была выкопана.

Зоя Донгак

Зоя Донгак – врач, отличник здравоохранения РСФСР, поэт, прозаик, член Союзов журналистов и писателей России,

автор девяти книг прозы и поэзии. Перевела с русского на тувинский язык книги Юрия Промптова «В центре азиатского материка» и Бальтасара Грасиана «Оракул». Окончила Высшие литературные курсы (семинары прозы А.А. Ольшанского, А.В. Воронцова, А. Ю. Сегеня, семинар поэзии В.В. Сорокина) и аспирантуру Литературного института имени А.М. Горького. Лауреат, призёр и победитель международных и региональных конкурсов литературного мастерства. Много публикуется в сборниках и альманахах современной прозы и поэзии

Чёрная смерть

(отрывок из романа «Душа шамана»)

Конгур думал о том, как мало и редко общался с Чинчи: их любовь смущённо теплилась глубоко в сознании и в сердце, стеснялась откровенных проявлений, но успела громко заявить о себе – родился сын. А теперь жена ушла, но осталась жить в его сыне.

Конгур сказал матери:

– Мама, я виновен. Помнишь, в тринадцать лет я с папой и дедом был на охоте. Тогда я нечаянно убил самку горного козла (те), не заметив её козага – детёныша. Вот за это хозяин горы наказал – нет с нами моей Чинчи, твоей невестки... – Конгур почувствовал, как к глазам подступают слёзы.

Севил тоже всхлипнула.

– Мама, не плачь! У тебя остался Холурааш и я. Пока мы живы, будем помнить Чинчи.

Родственники и соседи приходили покурить на прощание. Люди помогали тем, что было им по силам: кто принёс в деревянном ведёрке молоко, кто горстку чая, а кто – что-нибудь из снеди.

Перед выносом Чинчи завернули в тонкую белую ткань, согнутые ноги не стали распрямлять. Вынесли, приподняв решётку с той стороны юрты, где она лежала. Потом положили на волокушу, которую повезли сильные мужчины. Севил произносила прощальные слова, окропляя молоком последний путь умершей невестки.

Холурааш убежал, спрятался в кустах и тихо плакал. По тувинским традициям дети и подростки не должны входить в юрту, где временно покоится тело умершего человека. В этой юрте не должно быть шума, пьяных. Если человек появился пьяным на похоронах, это означало, что он – родственник черта. Люди его осуждали и долго не прощали выходку.

До кладбища Чинчи, ушедшую за «кызыл-дус», провожали семь мужчин. Холурааш и его друзья часто играли возле этого места в Доргуне, когда пасли овец. Там они видели много человеческих черепов и костей.

«Кызыл-дус» – ушла за красной солью – так называют покойных у тувинцев. По обычаю количество мужчин обязательно должно быть нечетным, а женщинам присутствовать на похоронах не разрешалось. Тело не одевали, в гроб не кла-

ли, не закапывали в землю, а оставляли на открытом месте.

Усопшую повезли не очень далеко от аала – в местечко Доргун к большому кусту караганника – на место, обращенное к востоку; туда, откуда «приходят лучи солнца». Положили ее на войлок, под голову – плоский камень, укрыли белым покрывалом. Так и оставили на открытом месте. Мужчины, проводившие усопшую в последний путь, завернули рукава и ушанки внутрь и отправились домой, ни разу не оглянувшись. Вблизи юрт помыли руки водой с артышом (можжевельником).

Холурааш перестал плакать. Бабушка нюхала табак из отцовской чёрной табакерки, украшенной серебром. Она угощала пришедших своей длинной трубкой из красной таволги.

– Мама больше не вернется, бабушка?

– В божий мир отправилась, – ответила Севил и зарыдала.

– А где божий мир? Это туда мужчины повезли маму в чём-то белом?

– Повезли маму? А ты, значит, смотрел, как «кызыл-дустаан» маму увозят? Это нехорошо! По обычаям нашего народа на похороны нельзя смотреть детям. Надо тебе, Холурааш, теперь помолиться.

Бабушка нежно гладила внука по голове, как-то по-особенному будто пела слова. Ему казалось, что бабушкины руки очень похожи на руки мамы: такие же ласковые, нежные, теплые...

– А в божий мир только душа мёртвого уходит. Тело должно покоиться на Танды, а душа пройти сквозь ад – этого никто не минует... Люди провожали тело твоей матери.

Сегодня бабушка была печальна и особенно нежна с внуком. Она наклонилась к Холураашу и понюхала его волосы, по-тувински выразив свою любовь к мальчику. Он молчал, прижавшись к родной груди. Затем послушно повторял за бабушкой слова молитвы.

Позже ламы коснулись лба мальчика священной стрелой и священными книгами. До начала поминального ужина бабушка, взяв варёное мясо голени, сказала:

– Даже бедный не ест плёнку мяса голени. Когда ешь мясо икры, не говори, что ты богатый! – и бросила кусочек мяса голени в огонь.

Поминальный ужин прошёл в тишине и печали.

Через день после похорон Холурааш встал рано утром. Ему было тоскливо и одиноко. Люди всё еще подъезжали с табаком, аракой – молочной водкой, чтобы выразить свои соболезнования отцу и бабушке. Он ушел из аала, выгоняя ягнят, козлят и телят на пастьбу. Потом оставил скот и побрел в сторону кладбища. Над телом матери тучей кружились грифы, вороны и коршуны. Солнце уже поднялось высоко. Холурааш забрался на холм и увидел, как из лощины взмыли в небо чёрные грифы. Он и раньше любил наблюдать за птицами, которые очищали окрестности от останков павших животных. Дорогу к пиршеству им указывало воронье.

Увидит гриф скопление ворон и камнем падает вниз. Казалось, что птица разобьётся, ведь она кружила так высоко в облаках, что её не было видно с земли. Поэтому, увидев ворон и сорок возле падали, ребятня начинала смотреть в небо, ожидая падения грифа. Перед самой землёй гриф раскрывал могучие крылья и мягко садился возле жертвы, вспугнув назойливых ворон. За первой птицей прилетали другие, которые с шумом и дракой приступали к пиршеству. После драки оставались огромные перья, которые подбирала ребятня. Их вплетали в свой головной убор шаманы. Несколько перьев хранил в юрте и Холурааш. Араты не любили грифов за то, что птицы в отсутствие падали могли унести живых ягнят или козлят. А что было делать? Нельзя даже разорить гнездо грифа, потому что гнездились эти птицы высоко в горах, высиживая одного-двух птенцов.

Сегодня Холурааш увидел чёрных грифов... Он пошел быстрее к большому караганнику в Доргуне, где лежало что-то огромное, завернутое в белое. Холурааш бросился вниз бегом – и вдруг остановился: это белое было его мамой. Он подошёл, встал на колени, низко склонил голову. Длинные волосы мёртвой женщины разметались по земле. Откуда-то взялся ветер-вихрь! Край покрывала, подхваченный ветром, открыл необыкновенно распухшее лицо Чинчи. Трудно было разглядеть черты родного человека в этом лице. Кто унёс мамину красоту, её нежность, её любовь? Куда всё подевалось?

Холурааш стоял возле матери, а черные грифы, вороны и коршуны с криком кружились над ним... Кожа на его голове будто съёжилась от страха. Он попятился, потом повернулся и со всех сил помчался прочь. Только на самой вершине горы он остановился передохнуть. Холурааш сильно вспотел, его бил озноб, а зубы громко стучали. Мир вокруг казался мальчику грязно-жёлтым, точно погружённым в мутную воду.

Кое-как спустившись с вершины, он навзрыд плакал, причитал, резко взмахивал руками, будто просил мать вернуться из мира мёртвых. Ярко засияло солнце, хрустально засверкали ледники на вершине Монгун-Тайги, в чистом небе пролетали турпаны, а Холурааш продолжал плакать в одиночку. Никому не было дела до мальчика, потерявшего мать! Пасущаяся черная кобыла с маленьким жеребёнком робко подошла к нему. Он обнял её за морду с плюшевыми губами и быстро заговорил:

– Кара-Доруг, как мне вернуть мою маму, мой конь? Я очень просил всех вернуть маму. Так горячо молился всем богам, хозяевам всех трёх миров, даже Эрлик-Хаану – хозяину ада.

Лошадь стояла смирно, она, не шелохнувшись, слушала ребёнка, потому что сама была матерью. Иногда она слизывала нежными губами солёные слёзы Холурааша и всхрапывала вместе с ним.

– Почему боги и хозяева не слышат меня? И-и-и-и-и... Что мне делать, чтоб вернулась мама? Хоть ты скажи, Ка-

ра-Доруг, и-и-и-и...

Когда через три дня мальчик пришел в Доргун, тела матери уже не увидел, его растащили падальщики.

Ночью Холураашу снились грифы, они тучей кружились вместе с воронами и коршунами недалеко от того места, где лежала мать.

Снилось, как самые дикие, самые голодные, самые зубастые, самые когтистые, самые кровожадные гложут маму, полируют её скелет. Вместо матери он видел во сне груды костей, которую согревало полуденное солнце.

Где-то внутри Холурааша лежал большой чёрный камень, и тяжесть его была нестерпима. Часто его душила непобедимая тоска: он точно напивался чем-то тяжким и жил, как в глубокой тёмной пещере: без зрения, слуха и чувств – слепой и почти мёртвый.

Холурааша постоянно охватывало чувство пустоты. Хотя был сыт – сил не чувствовал; хотя был одет – всё время мёрз. А когда он играл с ребяташками и иногда смеялся, его самого пугал собственный смех, похожий на плач...

Мама унесла с собой что-то огромное и важное, и заменить это не мог никто, даже его отец.

Юлия Великанова

Родилась в Москве в 1977 году. Окончила ВГИК (экономический факультет), Высшие Литературные Курсы при Литинституте им. Горького (семинар поэзии) и Курсы литературного мастерства (проза). Поэт, редактор, публицист. Шеф-редактор Литературного проекта www.Pechorin.net. Член Московской городской организации Союза писателей России (с 2010 года). Автор сборника стихотворений «Луне растущей нелегко...» (2016). Соавтор сборника стихов «Сердце к сердцу. Букет трилистников» (с А. Спиридоновой и В. Цылёвым) (2018). Организатор литературно-музыкальных вечеров. Участница поэтической группы «Тихие лирики начала НЕтихого века» и поэтического дуэта «ВерБа». Участница Литературного объединения «Точки» при Совете по прозе СП России. Воспитывает трёх дочерей.

Живой огонь

Подтоп внизу справа приоткрыл, заслонку печную вытянул. Посыпалась кирпичная крошка. Чихнул. Смешно стало.

Сел на низкую деревянную скамейку. Колени привычно скрипнули.

Газетку вытащил наугад из стопки, сложенной рядышком. Быстро смять и – в топку. А то сейчас зачитается какой-нибудь забавной ерундой из старых новостей.

Запах и сырость старого заброшенного дома дополнились тёплым духом горячей газеты. Через некоторое время загудело в трубе. Значит, уже можно класть дрова в главный печной зев. Побежит, разгорится пламя по берёзовым дровишкам. Дрова ещё от прежнего хозяина остались, в поленницу вдоль задней стены дома сложенные. Занялось быстро. Хорошо.

* * *

– Я тебе денег пришлю! Ты только приезжай! – Он так разволновался, что, кажется, почти кричал. – Камин затопим, у огня посидим... Приезжай, слышишь?!

Он, молча, не отрываясь, смотрит на огонь, что танцует за стеклом, языки показывает... Огонь.

Тут, у камина с живым дровяным огнём, в трёх тысячах километров от Москвы, он вдруг вспомнил девочку, ровесницу сына. Теперь уже взрослую женщину. Соседку по даче. Когда-то у них не сложилось с его сыном. Но чувства остались. Такие – общие семейные. А ведь он уже почти забыл о ней, как и обо всем прошлом, летнем, дачном, чего почти и не было. Надо было забыть, отбросить. Признать не нужным себе. В России стало беспокойно, тревожно. Больше он туда не ездит. Когда-то это было, но обойтись можно запросто. Подумаешь!..

– А помнишь? Ты помнишь? – продолжал он мысленный

диалог с ней.

Она должна была помнить.

* * *

Задумался, а, может, и газетой старой всё-таки зачитался. И вдруг огоньки в стареньком окне замелькали. Один, два, три. Фонарики. Девчонки носы к стеклу прижимают. Три её дочки. И она с ними, смеётся.

Открыл им дверь. Вошли. Дом наполнился говором, шумом, вознёй и смехом, как бывает только от нескольких маленьких людей сразу.

Поставили на плиту печи чайник, он быстро закипел. Накрыли журнальный столик, чем было. Посуду и сладости натаскали из большого дома, тёмного и неуютного.

Играли в печном полумраке на слегка расстроенном пианино. Девчонки несколько раз принимались петь, но каждый раз сбивались на смех.

А часов в десять вечера вдруг дали свет. Загорелась старая пыльноватая люстра под потолком. Жалко...

* * *

Сел в тот вечер у огня. Зима. В его новом городе по русским меркам не холодная, но в каменном доме промозгло.

Кондиционером толком не просушишь. А живой огонь – другое дело.

Вдруг вспомнил, как однажды летом выключили в их подмосковном дачном посёлке свет. А хозяйка дома, его бывшая жена – женщина новой формации – всё «завела» на электричество. И водоснабжение, и газовое отопление. Вообще, дачу она не любила и воспринимала, скорее, как выгодное вложение денег. Никогда здесь надолго не оставалась. Он жил летом на участке один. Подолгу.

Лет пять назад, когда были деньги, они прикупили у соседей домик. Избушку полуразвалившуюся. Но в ней была настоящая печка. Туда-то он и пошёл от августовской вечерней сырости и тьмы спастись. Разжёл печку не спеша, по порядку...

* * *

Ещё недавно, кажется, сидели они с девочкой-соседкой долгими летними вечерами на качалке в саду. Говорили обо всём подряд. О детях вот. О дачном быте.

Она была замужем. Детей рожала. Всё девок. И у него только внучки. Дочки сына. И хорошо.

От лета к лету девчонки росли. Потихоньку подрастали и взрослые.

* * *

Сын в Израиле женился на женщине, с которой у него, свёкра, нет даже общего языка – поговорить. Большая красивая женщина, но трудно представить себе кого-то более чужого, чем она.

И вот в тот вечер он смотрел-смотрел на эту «свою» девочку. И всё путалось в печном мареве и в фонарном свете: то ли она ему желанная невестка, то ли любимая. А у него и сын есть, и дочь. И он многим своей дочери обязан. Она так хорошо заботилась о нём в новой жизни, в новом доме на новом месте, что даже не пришлось во второй раз жениться. Женщины – были. Жены – больше нет. Чувство дома, уют, покой сохраняет родная дочка. Но эта девочка – другое совсем. И объяснить-то непросто.

* * *

За грибами с ней ходили. Поутру, раненько. Сапоги резиновые, в руки – палка, в каждый карман – по пустому целлофановому пакету из супермаркета на случай неожиданного «улова». Иногда и ничего не наберут. А и ладно. Есть маршрут, до стула полуразвалившегося, в чашу выброшенного, дойти. Кто-то ведь принёс сюда этот стул, чтобы выбросить.

Дошли, и – молодцы! Можно обратно.

А был год, когда и на участке у него белые грибы проклюнулись и подрастали день за днём.

В тот год и земля была щедра, и мир был щедр и изобилует. Это с ней что-то такое случилось, с девочкой. Она любила и дарила. Отдавала. Он понимал, что не он, старик, тому виной. Он почти знал, в чём дело. Но обмануть его было нетрудно. Она приходила, садилась рядом, молчала, улыбалась, и лицо её светилось живым женским огнём. Они вместе пили чай, ели гречневую кашу, и всё было хорошо. Просто хорошо.

В то лето на даче гостила не только его дочь, но и сын...

* * *

Ему 74 года. Он журналист и драматург, теперь ещё и блогер. Счастливый отец и дед. Высокие отношения с бывшей женой – заслуга обоих. Ладят, помогают друг другу, поддерживают. Хоть и в разных странах теперь. Вот ведь как!

* * *

Все чувства соседка всегда прятала куда-то, улыбалась смущённо, взглядывала вдруг сквозь очки, как будто откуда-то изнутри вырывалась наружу какая-то глубинная чело-

веческая суть. Очень спокойно вела себя, говорила негромко и немного. Только один раз вспыхнула, по-настоящему расстроилась. Принесла ему свои стихи. Или прислала? "Поищем грибов, смысла жизни поищем..." Он даже рассмеялся. Грибов – да, сколько угодно. А вот со вторым – что за ерунда?

Дочке своей рассказал. Посмеялись вместе. При ней посмеялись. И он твёрдо сказал, что никогда ни про какие поиски смысла жизни не говорил и говорить не мог. Путаает она.

Почему-то возник в разговоре старик Фрейд со скабрёзным анекдотом про его собственную дочь и приснившийся ей банан. Высмеяли, вдвоём – одну. Она сдалась. Что ж, спутала, значит, спутала. Он действительно не помнил. Было за ним такое, много всякого говорил для красного словца. Литератор всё-таки.

А вот чтобы смысл жизни искать? Да ну нет. Вот ещё!
«Смысл жизни – в самой жизни». И – достаточно.

А ведь мог... Да, мог и такое ляпнуть. Так она на него действовала, бывало. Но не сознался. За дочку спрятался.

А сейчас вспомнил и вздрогнул. Холодно как! Озноб, провал куда-то, в непонятное. Туда, где помнишь, что кого-то обидел. И теперь уже ничего не поделать...

* * *

Вот же он, смысл, девочка: эта избушка с шуршащими по

тёмным углам мышками, эта старенькая печка и это жалкое пианино, и дачный чай из разных кружек – все со щербинками, за что и сосланы на дачу. И угощение – вкусное необыкновенно, что бы там ни попало; и огоньки фонарей; и эти новые люди. Они будут жить, когда нас с тобой уже не будет. Представляешь? Вот и всё. А ты – «смысл».

Они ушли, в свете фонарей и в мягком гур-гуре доброй болтовни. Старшая – с наушником в одном ухе. Меломанка. Танцует. Красивая очень. Фигуристая девушка. Средняя – волнистая, пушистая, на язык только острая и резкая. Не лирик. А маленькая – лопушок-одуванчик, ушастенькая, глазки умные, добрые...

Открыл печной зев. Меленькие угольки ещё вспыхивают красными язычками. Но голубых сполохов уже нет. Значит, пора закрывать трубу. Тёплую улицу греть ни к чему.

* * *

Он понял, что именно всё время хотел ей сказать. Иногда был уже совсем готов, но – что-то мешало, перебивали. Говорил глупо. Мол, была бы ты моей невесткой. Нет, не была бы. Ерунда бы вышла. У этой девочки с его сыном далеко не всё хорошо вместе получалось.

Позвать. Дорогу оплатить. Может, приедет? «В чём смысл жизни?»

Как будто помирать собрался.

– Ну, напиши ей письмо, не знаю! Позвони по Скайпу. Какая-то блажь! «Глаза в глаза», «наедине». Всё-таки – найти подходящий момент и сказать, – не с ней он говорил, с собой...

«Я бы хотел, чтобы ты была моей дочкой».

* * *

Встал со скамеечки, колени не сразу, но распрямились. Шажок, другой. Потянулся кверху и с силой вдвинул заслонку в щёлку кирпичной красной трубы. Вечер окончен.

Он никогда ей не позвонит.

Аглая Жданова

Московский копирайтер и технический писатель Валентина Шамарина. Закончила химико-технологический факультет Текстильной академии, работала бухгалтером, офис-менеджером. Много лет считала себя читателем, а не писателем, хотя со школьных лет сочиняла небольшие рассказы. Сейчас пишу о жизни в большом городе, пытаюсь запечатлеть и осмыслить происходящее вокруг. Представленный для сборника рассказ вошёл в лонг-лист литературного марафона «Комедийный сюжет»

LitBand

Доверие

У нас с сыном доверительные отношения. Я – лояльная мать, он – в меру воспитанный малыш почти восемнадцати лет. Хоть и сорок четвёртого размера берцы носит, а для меня по-прежнему маленький.

И вот я на родительском собрании. Преподаватель русского языка и литературы Анна Яковлевна артистично рассказывает, как у них проходят уроки, не называя хулиганов по именам-фамилиям. Шоу интересное, но ясно – моего песочат. Не знаю, правда, зачем такое представление при всех устраивать, подошла бы тихонько сказала: «На уроках ленится, дома ничего не делает». А она зачем-то это всё на людях! «Есть у нас один, – рассказывает, – домашку ни разу не

сдал! Я им, как первоклашкам, вслух читаю, так без толку, на вопрос об услышанном ответить не может. И болтает на уроках». Я прямо обмерла: «Точно мой!» Давным-давно его с книжкой не видела, а про письменные задания на дом по литературе не знала вовсе. А уж когда речь зашла о телефоне, который учительнице пришлось отнять, чтоб не мешал другим, я сразу поняла, на кого намёк. Даже ладошка, сжимающая смартфон, вспотела.

Вы б тоже нервничали, зная, как однажды сын «спалился». Ждала его дома после шестого урока, а когда и после седьмого не объявился, сообщение отправила. Мгновенно ответил: «На литературе я». Ясно же, не в рюкзаке телефон, в руках. Тогда сразу гневную тираду и накатила: «Не отвлекайся во время урока, тем более у Анны Яковлевны!» Хотела и сейчас, не откладывая, внушение сделать, в мессенджере написать, конечно (не звонить – всё же никто не умер), объяснить, как надо на уроках себя вести, когда учитель говорит. Но классная наша, Марина Викторовна (она тоже, понятное дело, тут, головой согласно кивает), так на меня зыркнула, пришлось мне свой смартфон под парту спрятать. А не глядя, печатать не умею ещё, только учусь, побоялась, всю степень возмущения не передать.

Короче, когда к концу собрания другие родители стали напрямую задавать Анне Яковлевне единственный интересующий их вопрос «как там мой ребёнок», уже жалела, что пришла. Спросить о своём, чтоб все остальные слышали, что

он – раздолбай, не решилась, выше моих сил. Я-то всё про него знаю, а другим – незачем. Пыталась сообщением по-воспитывать, но всё скучно получалось, без огня. «Ну, – думаю, – сейчас домой приду, получишь у меня!»

Выходя, Анна Яковлевна остановилась у парты, за которой я сидела (я ж, конечно, на первой):

– Потренируйтесь с ним сочинения писать, – сказала, – так-то он, видно, начитанный, мысли излагает хорошо, но пишет сжато, суховато.

Немного отлегло – может, не все истории о сыночке, только про телефон?

Прихожу домой. Сидит, в компьютер играет. Я тоже, чтоб с порога не заорать, соцсети проверила, френдам везде рассказала – сын-то читает много, и не только «Вконтакте». Задомно зашла на сайт и на экзамены его записала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.